КРОКОДИЛ

31
НОЯБРЬ 1968

— Друзья мои, прекрасен наш «Союз»!

Рисунок А. КРЫЛОВА

Владимир МАСС

Птички божьи

«Мурлыча, кошка так неслышно
Выходит греться на крыльцо...»

«...Брожу на станциях зеленых,
Лечу в неистовых вагонах,
А где-то станция глухая,
И кто-то бродит на перронах».

«А случилось это далеко,
Вылился туман, как молоко,
На озера,
на дорогу,
на крыльцо,
На мое с веснушками лицо...»

«Я подвержена идее
Побывать на Зейдер-Зее...» и т. д.

Журнал «Юность», 1968 г.

Судить так судить,
без парадных фанфар,
Без скидок,
пожестче,
построже!..

Что это —
Парнас или птичий базар?
Базар не базар, но похоже!
Опять, как когда-то, поэты-дрозды
Свои оставляют повсюду следы.
Мы птенчиков видим—чижей и чижих—
И бодрое слышим чириканье их.

Синичкам и прочим пернатым сродни,
Довольствуясь, в сущности, малым,
Беспечно и мило щебечут они,
Порхая
по разным журналам.

Стихов их почти не меняется суть —
Заигранный слышим мотив мы.
У них разве перья моднее чуть-чуть
Да экстравагантнее рифмы.

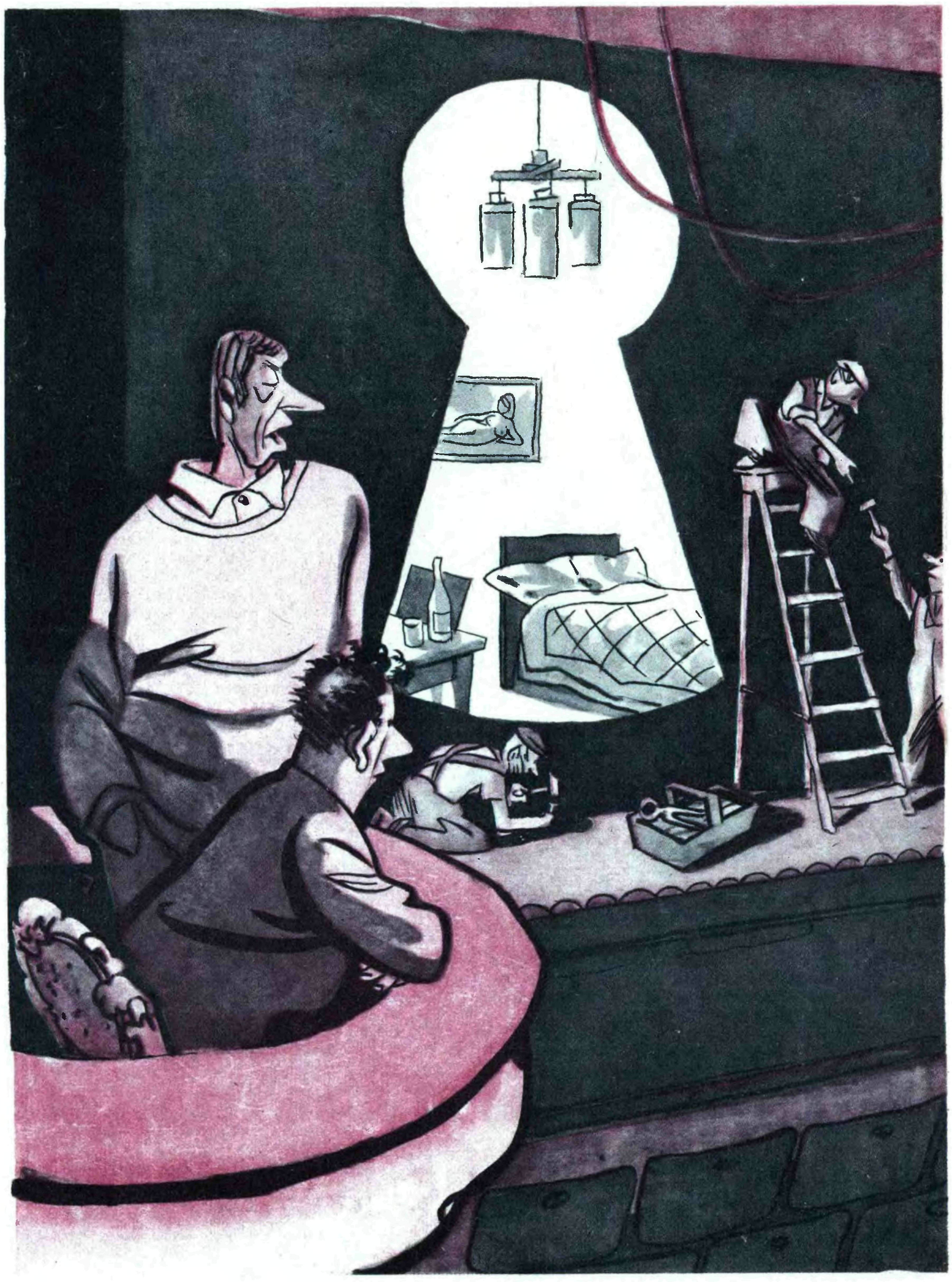
Никто не мешает их милой игре.
Блаженно,
как в садике дети,
То в «Смене» чирикают,
то в «Октябре»,
То в «Юности»,
то в «Литгазете»...

Вот кошка бежит,
вот взошла на крыльцо...
Все любо синичкам-поэтам.
Увидят свое же, в веснушках, лицо,—
Они чик-чирик и об этом.

Тут садик заметят, тропинку и пруд,
Там — смятый цветок у ограды,
И тонкими сборничками
издают
Лирические рулады.

Альбомные песенки,
гладенький стих...
Эх, жаль, Маяковского нету на них!

Рисунок Л. САМОЙЛОВА

— В этой пьесе я хочу показать жизнь так, как я ее вижу!

Михаил ВЛАДИМОВ

ФАНТОМАС выручает

Вновь Фантомас.
Вновь трупы,
Ужас
Он оставляет на пути.
Вокруг него кольцо все туже...
В ракете хочет он уйти...
Но перехватчики взлетают,
Наперекор несутся...
Взрыв!

— Погиб! — Я радостно
вздыхаю.
И ошибаюсь: снова жив!

И это значит, что «для плана»
Еще появится не раз
Кинопрокатный сын Тарзана —
Многосерийный Фантомас.
И хоть у этого кретина
К насилью страсть, к наживе
страсть,
Но сбор огромен — и картина
Кинопрокату... в фантомасть!
Хохочут взрослые над вздором,
А сын, идущий в первый класс,
На стенах школьных коридоров
Всерьез выводит: «ФАНТОМАС».

Меня поймите: не ханжа я.
Я, как и все, развлечься рад.
Но грустно, коль мораль чужая
В кино берется напрокат!

В ГОСТИ С МЕДВЕДЕМ

Что ни говори, а слово «гастролер» имеет два прямо противоположных смысла. Прибыл на гастроли, оправдал надежды — и слово это становится похвальным, тут тебе цветы и аплодисменты, почет и уважение от всех аборигенов, а от организаций — даже грамоты в атласе, благоухающие фимиамом... Но стоит только дать гастроль с громадной амбицией, но без достаточной амуниции, тебя тем же словом еще и обзовут: «Гастролер!»

...Итак, прошло лето — пора всяческих гастролей. Путешествуя в летние месяцы по ряду городов, я невольно кое-что узнал о гастролерах как первого, так и второго типа. В Оренбурге, например, несмотря на огромный опыт и солидные корреспондентские билеты, с трудом пробился я на спектакль «Цыганка Аза» М. Старицкого в исполнении Хмельницкого музыкально-драматического украинского театра.

Зал был переполнен. Зрители не только жадно внимали певучей украинской мове, следили за всеми поворотами старой мелодрамы, но и ухитрялись переводить друзьям и родственникам непонятные слова. Может, позабыли давно живущие в оренбургских степях украинцы «ридну мову», а может, и вовсе не знают ее молодые, здесь родившиеся парубки и девчата. Но и их завораживала музыка украинской речи.

И хоть были изъяны в актерской игре, в декорациях, гастролеры имели большой успех. Они приехали туда, где их ждали заинтересованные зрители, туда, где они нужны, и гастролерами оказались вполне достойными.

Нечто прямо противоположное случилось здесь же с Московским театром миниатюр. Как только выступил он в Оренбурге, сразу выяснилось, что амбиция у актеров есть, а вот амуниция изрядно ветхая. Недаром в областной газете «Южный Урал» появилось письмо читателей. «Художественный уровень самого спектакля очень низок, шутки, все темы, затронутые сатириками, устарели, потеряли давно остроту»,— писали Гарифулина, Монская, Бергер и другие. А инженер завода «Тракторозапчасть» Д. Чарный в рецензии, озаглавленной «Неужели вы не замечали...», разбил спектакль наголову, ни одной детали не пропустил без оценки: тут сомнительные остроты, там непростительные паузы... А грязные декорации? А неумелые актеры? Все подверг рецензент сокрушительной критике.

Пришлось театру сразу же убираться восвояси. А директор Московского объединения художественных коллективов С. Астахов прислал в Оренбург извинение. Оказывается, ни директор, ни режиссеры театра в гастролях участия не принимали, а были они делом внештатного уполномоченного Равинова, которого заботили не честь столичной марки и репутация молодого театра, а только сборы. И вышло так: что посеяли, то и собрали. Молодых актеров обозвали «гастролерами», но уже во втором, едком и беспощадном смысле.

Приехал я в Ленинград, и здесь коллеги-критики рассказали мне о случае еще более драматическом. Пришел как-то критик на спектакль Молдавского музыкально-драматического театра имени Пушкина, а на него было продано только три билета, причем третий купил сам рецензент. Спектакль пришлось отменить, а труппе хорошего театра уехать, так и не доиграв свой репертуар. А почему? Да, видимо, потому, что в «Союзконцерте», организовавшем эти гастроли, никто всерьез не подумал, сколько молдаван обитает на берегах Невы и может ли ленинградцев отвлечь летом от реки, садов, парков даже

хороший театр, однако играющий на незнакомом языке.

Как-то сами собой отошли в прошлое пышные декады, умопомрачительные вахтпарады искусств. И творческие отчеты стали строго деловыми, вероятно, потому, что исстари известно: «Служенье муз не терпит суеты». Ныне и у гастролей есть свой постоянный деловой оперативный отдел в Министерстве культуры РСФСР. Его начальник Юрий Ефимович Бодовский поделился со мной своими интересными наблюдениями.

Еще зимой планировались летние гастроли крупнейших периферийных театров в Москве. И вдруг ближе к лету от этой чести отказались куйбышевский, челябинский, волгоградский театры. Почему? Причины у всех были разные, а мысли, вероятно, одни: покорить взыскательных столичных зрителей, порадовать строгих критиков, преодолеть тяготение от искусства к природе, овладевающее всеми в летний зной,—дело нелегкое. Нужны новые, не виданные в столице спектакли, актеры, режиссеры. Если же их маловато, гастроли из творческого показа превратятся в парадную показуху, а пустой зал надолго окажется зияющей брешью в бюджете театра.

Рисковать тут надо осмотрительно. Скажем, приехал в Москву из небольшой Северо-Осетинской республики музыкально-драматический театр и имел большой успех. Республика невелика, а таланты у нее крупные, и все москвичи устремились смотреть Тхапсаева и его коллег. Пылкие страсти, огненные танцы и в летний зной собирали пламенных почитателей. А нечем поразить зрителей — лучше уж сидите дома...

Назидательный пример. Так же, как некогда ярославец Федор Волков приехал и покорил Санкт-Петербург, в этом году Ярославский театр имени Федора Волкова во главе с главным режиссером Фирсом Шишигиным решил покорить Ленинград. Привезли всю труппу, множество декораций, роту статистов для изображения толпы и даже живого медведя, чтобы, так сказать, в натуре представить герб города Ярославля. А зрители валом не повалили. Разгневались ярославцы и стали жаловаться: о нас, дескать, газеты не пишут. Написали. Снова гастролеры гневаются. А почему?

Безупречно вежливые хозяева со страниц «Ленинградской правды» разъяснили: в спектакле «Панфиловцы» хотели ярославцы показать самый тяжелый момент Отечественной войны, но «решили эту задачу иллюстративно», все в нем «более продекларировано, чем раскрыто с убеждающей силой реализма».

Поскольку в Ленинграде Волкова знают не хуже, чем в Ярославле, рецензент указал в спектакле «Федор Волков» на «декламационный пережим», который сам Волков осмеивал еще двести лет назад. Указал рецензент Н. Зайцев и на опасность подмены «высокой патриотической темы патриотизмом областническим», который выразился в многократном упоминании всего связанного с Ярославлем, подчеркнутым оканьем и т. д. И хотя герб города изображал на сцене живой медведь, помпезные спектакли ярославцев живого отклика у ленинградских зрителей не имели.

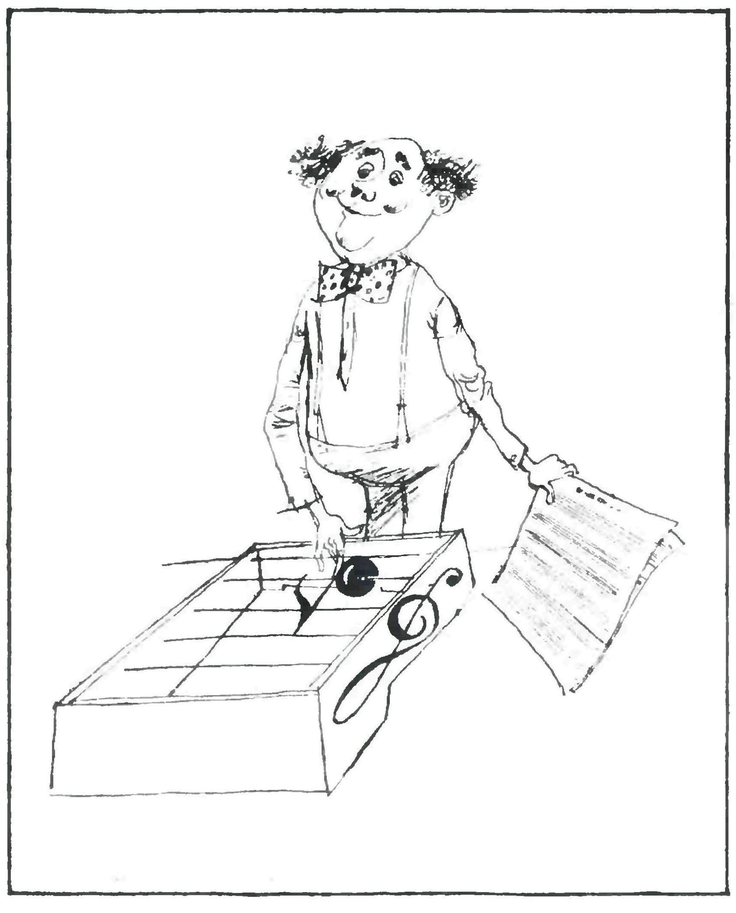
Вот почему в конце гастрольного сезона и перед началом будущего надо дух чванливой показухи и азарт чистой коммерции вытравить из гастрольного обихода. Наверное, я отобью хлеб у нашего отдела «Нарочно не придумаешь», но не могу не процитировать слова директора Ставропольского театра М. Новикова. В отчете о гастролях в Полтаве и в городах Кавказских Минеральных Вод он пишет, что пьесы Горького и Шекспира прошли три-четыре раза, а вот «Когда мертвые оживают» И. Рычады — 57 раз, причем эта пьеса, «занявшая первое место в гастрольном репертуаре, к сожалению, невысокого драматического качества».

Позвольте, но к чьему сожалению, Новикова или зрителей? Если и он и они сожалеют, зачем же тогда эта пьеса ставилась?

На этом я и хотел бы закончить свои размышления о летних гастролях. Впереди зима, и у театров есть время подумать, какими гастролерами они хотят быть: в кавычках или без оных?

В. СУХАРЕВИЧ

ПОДВОДИТ ТВОРЧЕСКИЕ ИТОГИ

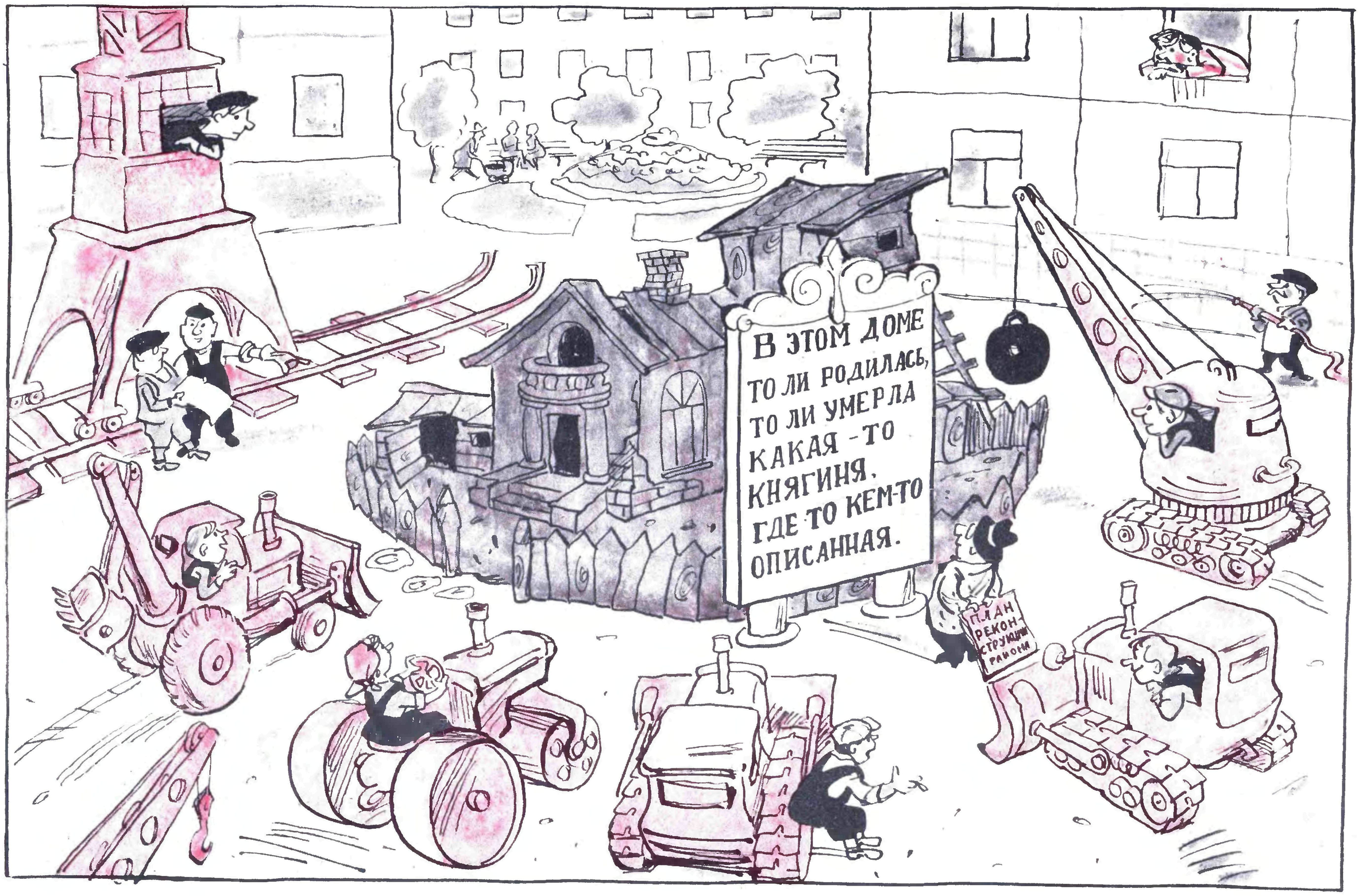
— Итого песен...

Рисунок Б. САВКОВА

— Что же это вы, голубчик, до выстрела упали?

Рисунок Г. и В КАРАВАЕВЫХ

НЕ ПОДСТУПИШЬСЯ...

Рисунок А. ГРУНИНА и В. ЖАРИНОВА

«Жрите, любимые, жрите!..»

— Не смей подавать мне руки,— сказал мой сослуживец Панькин, войдя в кабинет.— Гад я, недвусмысленный тип.

— Почему? — спросил я.

— Очень я падок на мясные блюда, бутерброды и пирожки. И при этом пищу перемалываю зубами. Как сказал поэт,

Жрите, любимые, жрите!
Пищу зубами крошите.

— А чем ее надо крошить? — удивился я.— Мясорубкой?

— Вопрос не в том, чем крошить. Вопрос в том, зачем крошить.

— Как зачем? Чтобы не умереть с голоду.

— Все это — мещанство. Заботу о желудке зло высмеял в новом сборнике стихов «Березы светятся» поэт Алексей Марков.

И Панькин, достав из кармана небольшую книжку, продекламировал:

Жрите, любимые, снова!
Больше старайтесь мясного!
И знайте, напиток вишневый —
Пищеваренья основа!

— Я лично предпочитаю кефир,— сказал я, взяв у него стихи.— Ну, а почему ты гад?

— Да потому, что это меня заклеймил поэт в образе любителя поесть. Ты же знаешь мой аппетит!

— Что-то ты путаешь,— сказал я, листая книгу.— Где это стихотворение? Очевидно, автор имеет в виду людей, у которых еда — единственное занятие. А ты заработал право на пищеварение честным трудом.

Но, почитав стихи, я понял, что автор гневно обрушивается на еду как на таковую и на едоков как на бессовестных потребителей еды. Еда, этот пережиток прошлого, не доводит людей до хорошего, утверждает он. Наевшись досыта, люди совсем наглеют: напяливают на себя цветастые свитера, ходят на футбол, обзаводятся «Спидолами» и — о ужас! — отправляются «к синему морю на отдых».

— Ну? — спросил Панькин затравленно, когда я кончил читать.

Кроме недюжинного аппетита, у моего сослуживца были и другие недостатки. Обладатель яркого свитера, «Спидолы», абонемента на футбол, он неделю назад вернулся из отпуска, который провел с матерью на юге.

— Нет,— успокоил я его.— Это не про тебя. Ты активный общественник, порядочный семьянин. Можешь с чистой совестью таскать модный свитер и есть самые вкусные бутерброды.

— А известно ли тебе, что, будучи на море, мы с мамашей регулярно взвешивались и, определив нагул, на песочке прибрежном снова слушали гул.

— А что, он это тоже не разрешает? — спросил я, показав на сборник.

— Осуждает на странице тридцать четвертой. Рекомендует взвешивать не туши, а души.

— Но ведь тело, то есть туша, штука не лишняя. Должна же душа в чем-то держаться?

— Кроме того, я пустобрех и сводня, — сказал Панькин отрешенно.

— Феноменально! — оживился я.

— В субботу был в гостях,— пояснил он.— Смотрели телевизор, слушали магнитофон и радиолу.

— Ну и...— не понял я.

— Страница тридцать вторая,— отчеканил Панькин.— Стихотворение «Суббота». Автор попадает в компанию, где сидят у тех же электроприборов. Ах так, говорит он, у модного товара сгрудились? А Чехова никто и не вспомнит? А Бетховена никто и не сыграет? А о весенней печали никто и не споет? Ясное, говорит, дело: пустобрехи вы и сводни. То есть те же мещане.

— Чудак, мещане — это другие,— сказал я.— Это, так сказать, бескрылые люди, рожденные ползать. Они, скажем, не приемлют космических полетов. «Зачем нам Венера, зачем нам Луна,— говорят они,— когда мы еще Везувия не видели и кокосового ореха не пробовали?»

— Постой, постой,— замахал руками Панькин.— Так это же есть у Маркова:

Ну, к чему мне Венера! К чему мне Луна!
Если я не узнал домотканую Землю!

— Ну вот, видишь,— обрадовался я.— Здесь уже вырисовывается образ мещанина.

— Какой образ? — не понял Панькин.— Это автор от своего имени говорит. И вывод делает:

Ты лететь на другую планету готов!
Ну, а я поживу на земле еще малость!

— Да что ты говоришь! — поразился я.— Выходит, он борется с мещанами с их же позиций.

— Вот это и обидно,— сказал Панькин.— В книге есть неплохие стихи. «Березы светятся» и настоящей поэзией. Тем более удивляет невзыскательность автора, включившего в сборник ряд явно неудачных вещей.

Панькин достал из портфеля бутерброд и с облегчением съел его.

Э. ПОЛЯНСКИЙ

Дрова в целлофане

Если говорить откровенно, то я порядок с детства ненавижу. И возненавидел я его прямо с первого класса, когда мне сказали, что на уроке нельзя баловаться и я сорок пять минут должен сидеть смирно. Такой, дескать, порядок.

Ну, сейчас мне баловаться уже неохота. Я могу посидеть какое-то время спокойно. А вот отрицательное отношение к порядку осталось до сих пор. Даже странно.

А тут как раз пришлось мне ехать в эстонский город Пярну. Друзья говорят:

— Ты это свое первобытное отношение брось. Или отложи на какое-то время. В Пярну везде порядок. И тамошние жители будут смотреть на тебя с удивлением. Или в лучшем случае оштрафуют.

Приезжаю. Действительно, порядок. На улицах такая чистота, что новому человеку плюнуть совестно! И не то что плюнуть, ходить по такой улице непривычно. В парке каждая травинка подстрижена под полубокс.

Подивился я на такие порядки, пошел дальше. Смотрю, возле дома дрова на зиму заготовлены. Все попилены, поколоты и сложены аккуратнейшим образом. И мало того — укрыты полиэтиленовой пленкой. Я прямо остолбенел. Надо же, думаю, простые дрова довести до такого печального состояния! Не поленница, а какой-то торт. Ну, прямо перевязывай розовой ленточкой и неси кому-нибудь в подарок.

И я как-то даже затосковал от такого чрезмерного порядка. Спасибо, знакомые ребята подошли. Друзья-строители. Разговорились.

— Не жалко вам себя?— спрашиваю.

— Чего жалеть-то?

— Да уж очень,— говорю,— вы в своем городе аккуратностью и порядками увлекаетесь.

— Не сказали бы, что очень увлекаемся,— смеются они.— Нас тут вынуждают дома вверх ногами строить, и то ничего.

— Не может быть! — удивляюсь.— Как-то это не вяжется с дровами в целлофановой упаковке.

— Дрова, — поясняют, — находятся в частном секторе. А как дело доходит до планирования и снабжения стройматериалами, то тут порой идет все шиворот-навыворот. Пойдем, успокоим твои нервы.

Приходим на Таммсааре. В этом районе Пярнуское строительное управление возводит жилой квартал. Некоторые дома уже гордо возвышаются, а 115-квартирный дом № 11 находится в стадии строительства.

На первый взгляд строительство как строительство. Два подъемных крана, вокруг в штабелях железобетонные блоки, а наверху монтажники передвигаются. Только передвигаются они как-то вяло, да и мало их: раздва и обчелся.

— Чего это,— спрашиваю,— работа как-то вяло идет? Перерыв, что ли?

— Строить не из чего,— говорит начальник второго строительного участка тов. Йоа.— Пришлось монтажников на земляные работы послать.

— Как не из чего? Вон у вас целые горы блоков возвышаются. На два дома хватит.

— В том-то и дело, — вздыхает начальник отдела снабжения тов. Хеино.— Если бы мы укладывали блоки в таком порядке, как нам присылает таллинский завод «Мяннику», то нам скорей всего пришлось бы начинать строить дом не с фундамента, а с крыши. А может, и вообще с середины. Нам, скажем, на нижние этажи требуются армированные блоки, они более прочные, а у них то ли арматуры нет, то ли еще чего, и присылают блоки неармированные. Вот они и лежат без дела мертвым капиталом.

— Так вы бы,— говорю,— послали им строгую заявку, расписанную по кварталам, по месяцам...

— Мы так и делаем,— отвечает начальник производственно-технического отдела тов. Тымп,— но в результате получается следующее. Когда мы только начинали строить этот дом, у нас стеновых блоков было запасено на целый этаж. Осталось от прежних строек. Мы не просили их привозить. А поставщики, извольте радоваться, присылают нам семьдесят шесть штук. Это больше двадцати грузовых автомашин. Зато нам до зарезу требовались армированные оконные перемычки. Без них нельзя возводить следующий этаж. Но это детали маленькие по кубатуре, их, наверное, делать не столь выгодно. Так за три месяца мы со слезами еле выпросили шесть штук. В результате задержка строительства на несколько месяцев.

— Может, — говорю, — это — единичное явление? Может, этому дому просто не везет?

— С каждым домом так,— отвечают строители.— И не у нас одних.

Тут, на счастье, подошел заведующий Пярнуским ремонтно-строительным управлением тов. Рауднагель и подкрепил рассказ строителей новой художественной деталью.

— В этом году,— сказал он,— нам предстоит начать строительство двух двенадцатиквартирных жилых домов. Так вот: фундаментные блоки лежат у нас без дела еще с первого квартала. А фундаментных подушек, на которые эти блоки устанавливаются, до сих пор не привезли.

— В таком случае,— говорю,— объясните ради бога, почему получается такая неразбериха?

— К сожалению,— отвечают,— точное объяснение на этот счет дать трудно. Видимо, наука на современном этапе развития еще до этого не дошла. Вот, скажем, армированные блоки нам привозят из Таллина, а некоторые неармированные детали делают на местном предприятии. Когда мы упрекаем таллинцев в задержке, они говорят, что у них нет арматуры, которая, в свою очередь, им привозится издалека. Иногда из Кохтла-Ярве. А там, разумеется, тоже есть весьма уважительные причины.

Вижу, довольно знакомая картина. И зря меня пугали какими-то особенными порядками. Вот когда, думаю, дома начнут сдавать в целлофановой упаковке, без недоделок, конечно, и в срок, тогда можно говорить о порядке. А так до порядка еще далеко. Далековато.

А. НИКОЛЬСКИЙ,
специальный корреспондент Крокодила

г. Пярну,
Эстонская ССР.

— Я же говорила вам: директора на месте нет!

Рисунок А. КАНЕВСКОГО

Феликс КРИВИН

Из цикла «Подражание театру»

Дульсинея Тобосская

В глубине сцены большой портрет Дон Кихота. Под ним кресло, в кресле — Санчо Панса, толстый мужчина лет 60. Рядом с ним, на низенькой скамеечке, Дульсинея, толстая женщина лет 45, вяжет кофту.

САНЧО ПАНСА. А потом я закрыл ему глаза...

ДУЛЬСИНЕЯ. Ах, Санчо, вы опять разрываете мне сердце! Вот уже сколько лет вы разрываете мне сердце, а я все не могу прийти в себя. Но, пожалуйста, вернитесь к тому месту, где вы встретились с этим рыцарем, и ваш господин сказал...

САНЧО ПАНСА. Он сказал: «Сеньор, если вы не разделяете мнение, что Дульсинея Тобосская — самая прекрасная дама, то я всажу в вас это мнение вместе с моим копьем!»

ДУЛЬСИНЕЯ. **(Восхищена.)** Бедный рыцарь! Он был на волосок от смерти!

САНЧО ПАНСА. Определенно. Но он не захотел спорить, он сказал, что лично ему не попадалось ни одной приличной женщины и что, быть может, Дульсинея Тобосская является приятным исключением. Он сказал, что наш сеньор счастливей его.

ДУЛЬСИНЕЯ. Бедный рыцарь!

САНЧО ПАНСА. Да, он оказался неплохим человеком. И знаете, Дульсинея, ведь мы чуть не убили его. А сколько бывает, что человека сначала убьют, а потом уже выясняют, какой он был хороший...

ДУЛЬСИНЕЯ. Я была глупой девчонкой, Санчо, я ничего не понимала. Когда ваш сеньор назвал меня дамой своего сердца, я решила, что он спятил... И вот прошло двадцать лет... У меня выросли дети. Старший Алонсо служит в армии короля, средний Алонсо работает с отцом в поле, младший Алонсо пасет овец. У меня трое детей, и всех их я назвала в память о нем.

САНЧО ПАНСО. Да... **(Обращаясь к портрету.)** Алонсо Кехана, Дон Кихот, славный Рыцарь Печального Образа. Лежите вы, сеньор, в земле и не подозреваете, что имя ваше живет, его дают маленьким детям. Нет, сеньор, вы не должны были умирать.

ДУЛЬСИНЕЯ. И подумать только, что все это из-за меня, что я, я одна виновата в его смерти!

САНЧО ПАНСА. Ну, нет, это вы уже говорите лишнее. Он умер от болезни. Я сам закрыл ему глаза.

ДУЛЬСИНЕЯ. Санчо, не спорьте с женщиной, у которой трое детей и которая знает толк в этом деле. Он умер от любви.

САНЧО ПАНСА. От любви рождаются, а не умирают.

ДУЛЬСИНЕЯ. И рождаются и умирают. Все, Санчо, все, что происходит на свете,— все это от любви.

САНЧО ПАНСА. Да, отчаянный был человек. Не могу забыть, как он воевал с этой мельницей. «Сеньор,— говорю я ему,— не связывайтесь вы с ней!» И знаете, что он мне ответил? «Санчо,— говорит,— мой верный Санчо! Если я не захочу связываться, и ты не захочешь связываться, и никто не захочет связываться, то что же тогда будет? Сколько нехорошего совершается на земле, и все оттого, что люди не хотят связываться». «Сеньор,— говорю я ему,— но зачем же нам воевать с мельницами?» «Санчо,— отвечает он и смотрит на меня близорукими глазами,— верный мой Санчо, если я не стану воевать с мельницами, и ты не станешь воевать с мельницами, и никто не станет воевать с мельницами, то кто же будет с ними воевать? Настоящий рыцарь не гнушается черной работой».

ДУЛЬСИНЕЯ. Я это мужу всегда говорю.

САНЧО ПАНСА. Да, поездили мы с ним. Бывало, не только поспать, и поесть некогда. Только пристроишься, а тут: «Где ты, мой верный Санчо? Погляди, не пылится ли дорога!» «А что ж,— говорю,— дорога на то и дорога, ей пылиться положено». «Нет, добрый мой Санчо, дороги бывают разные, и люди по ним ездят разные, так что ты, пожалуйста, погляди!» «Сеньор,— говорю,— это и не люди вовсе, это стадо какое-то». «Тем более, Санчо, тем более! На хорошего человека у меня рука не поднимется, а это... Так что вперед, храбрый Санчо, пришпорь своего осла!»

ДУЛЬСИНЕЯ. Страшно-то как!

САНЧО ПАНСА. Еще б не страшно! Их, этих свиней, сотни три, а нас двое. После этого он полдня в себя приходил, а как пришел, первым делом: «Где ты, мой верный Санчо? Погляди, не пылится ли дорога!» Близорукий он был, за два шага ничего не видел.

Оба задумываются. Дульсинея вяжет кофту. С охапкой дров входит Муж Дульсинеи, высокий, тощий мужчина лет 50. Хочет пройти тихо, чтоб не помешать, но роняет полено.

САНЧО ПАНСА. **(Привстав.)** Здравствуйте, сосед. Как поживаете?

МУЖ. Да как... **(Нерешительно смотрит на жену.)**

ДУЛЬСИНЕЯ. Он хорошо поживает.

МУЖ. Спасибо... Я хорошо...

ДУЛЬСИНЕЯ. **(Мужу.)** А мы тут говорили о покойном сеньоре. Ты помнишь покойного сеньора? **(Санчо.)** Он помнит покойного сеньора. **(Мужу.)** Он был настоящим рыцарем и никогда не брезговал черной работой. Он был смелым. И он любил... Ты понимаешь, что значит любить? **(Санчо.)** Он не понимает, что значит любить. **(Мужу.)** А как он воевал! Он дрался, как лев!

МУЖ. **(Нерешительно.)** Совсем как наш старший Алонсо.

ДУЛЬСИНЕЯ. А? Ну да, ты прав. **(Санчо.)** Он прав. Наш старший весь в вашего сеньора.

САНЧО ПАНСА. Я рад за вас, потому что мои дети пошли бог знает в кого. Ведь теперь какие дети? Хорошие примеры на них не действуют.

Муж подбирает полено и роняет второе. Подбирает второе и роняет третье. Дульсинея и Санчо следят за его работой.

ДУЛЬСИНЕЯ. **(Санчо.)** Он у меня ничего. **(Мужу.)** Правда, ты у меня ничего? **(Санчо.)** Он согласен... Между прочим, вы ничего не заметили? Ну-ка присмотритесь к нему! А? Особенно в профиль...

Муж в смущении роняет дрова.

ДУЛЬСИНЕЯ. Ладно, не будем ему мешать. Расскажите еще, сосед, о сеньоре.

САНЧО ПАНСА. **(Задумывается.)** Мы с ним были два сапога пара. Я тоже любил разные приключения. Куда он, туда, бывало, и я. Сколько раз после боя лежим мы с ним рядом — ни рукой двинуть, ни ногой, а он и говорит: «Санчо, знаешь ли ты, сколько в мире звезд?» «Тьма»,— говорю. «Правильно, Санчо, тьма — и еще одна. И эта одна — моя Дульсинея!»

Муж Дульсинеи с поленом в руке улыбается и с гордостью смотрит на жену. Он очень внимательно слушает рассказ Санчо Пансы.

САНЧО ПАНСА. Очень он вас любил, соседка. Уж так любил, так любил, ну просто никакого терпения. Извините, сосед.

ДУЛЬСИНЕЯ. Он извиняет.

САНЧО ПАНСА. Настоящий рыцарь. Иной раз так поколотят, лежит — ну хоть сейчас на кладбище. «Санчо,— шепчет,— послушай, как у меня бьется сердце!» А сердце еле-еле тик-так, как дамские часики... «Санчо,— говорит,— оно бьется любовью к ней!» Это, значит, к вам, соседка. Извините, сосед.

Дульсинея прикладывает к глазам кофту, встает.

ДУЛЬСИНЕЯ. Извините, я пойду... Я больше не могу... У меня столько дел на кухне... **(Быстро уходит.)**

МУЖ. **(После ухода жены сразу обретая дар речи.)** Вот так она всегда: чуть вспомнит — тут же расстроится. Никак не может забыть. Я, конечно, понимаю: разве можно так просто забыть человека? Тем более, такой человек. **(Говорит быстро, словно спеша выложить все, что накопилось за долгие годы.)** Между нами говоря, я сам его не могу забыть — все время что-то напоминает. А она тем более, женщина. Разве ж я не понимаю? Ваш сеньор замечательный был человек, хотя сам я его не знал, но жена мне рассказывала. Ну просто удивительно, какой это был человек... Между нами говоря, я стараюсь быть на него похожим. Вы слышали сегодня: она уже замечает. Пока это только так, чисто внешнее сходство, но я стараюсь. И детей своих так воспитываю. В общем, между нами говоря, в нашем доме ваш сеньор пользуется большим уважением. Мой младший Алонсо сказал недавно: «Когда я вырасту, я буду таким, как мамин сеньор!»

САНЧО ПАНСА. Мне приятно это слышать. Пожалуй, вы действительно немного похожи на Рыцаря Печального Образа. Он был такой же худой...

МУЖ. **(Доверительно.)** Между нами говоря, я расположен к полноте. Но я стараюсь. Я ем через день и почти ничего не пью, потому что от этого дела полнеют. Кроме того, я совершенно не ем мучного, молочного и мясного, а также жирного, сладкого и острого. Хотел еще отказаться от овощей, но у меня не хватает силы воли. Но погодите, я заставлю себя, вот тогда вы меня сравните с вашим сеньором!

САНЧО ПАНСА. Вы еще попробуйте ездить на лошади. Для рыцаря это — первое дело.

МУЖ. Что вы, с лошади я упаду! Между нами говоря, я даже с кровати падаю! И кроме того, для того, чтоб похудеть, надо больше ходить пешком.

САНЧО ПАНСА. Все рыцари ездили на лошадях.

МУЖ. Не нужно об этом, с лошадью у меня не получится. **(Посмотрел на портрет, вздохнул.)** И еще вот — драться я не умею...

САНЧО ПАНСА. Ну, без этого и вовсе нельзя. Мой сеньор всегда дрался до потери сознания.

МУЖ. Боюсь я как-то. Крови не выношу. Курицу — и то не могу зарезать. Жена у меня кого угодно зарежет, а я не могу. Это у меня с детства. Наверное, такая болезнь.

САНЧО ПАНСА. Положим, мой сеньор тоже никого пальцем не тронул. Главным образом били его.

МУЖ. Чтоб меня били, это тоже я не могу. Я, между нами говоря, не переношу физической боли. Какую угодно, только не физическую. Однажды, вы знаете, полено на ногу уронил, так со мной потом сделался нервный припадок. Я вам честно говорю, это у меня, наверное, такая болезнь. **(Вздыхает.)** Он бы на моем месте, конечно... Мне даже совестно и перед женой и перед детьми, что это я, а не он на моем месте. Конечно, я стараюсь, но все что-нибудь не так получается.

САНЧО ПАНСА. А что, если вам не стараться, а? Я вам вот что, сосед, посоветую: ешьте каждый день, даже три раза в день, ешьте мучное, мясное, молочное, соленое, кислое и сладкое. Пейте, сколько влезет, толстейте, раз вы к этому расположены. В общем, сосед, будьте самим собой.

МУЖ. Самим собой? Но кому же я такой нужен? Меня выгонят из дома в первый же день. Ни старший Алонсо, ни средний Алонсо, ни младший Алонсо — никто не захочет меня знать, не говоря уже о жене. Они терпят меня лишь потому, что я на него похож, а попробовал бы я не быть на него похожим!

Входит Дульсинея. Муж сразу умолкает.

ДУЛЬСИНЕЯ. Вот она, участь женская: все пригорело. Вам, мужчинам, этого не понять. Пока за молоком проследишь, суп выкипит, пока тесто замесишь, молоко сбежит. И посуда три дня немытая — вот они, женские дела. **(Мужу.)** Пойди суп помешай. Когда закипит, всыплешь картошку. Только почистить не забудь. Соли ложку столовую. Только грязную ложку не сунь, помой сперва. Ты понял? **(Санчо.)** Он понял.

Муж подбирает дрова и уходит. Дульсинея садится на скамеечку, опять принимается за свою кофту.

ДУЛЬСИНЕЯ. Ну, а потом что?

САНЧО ПАНСА. А потом я закрыл ему глаза...

Медленно идет занавес. На фоне музыки, которая звучит то тише, то громче, слышны отдельные фразы.

ДУЛЬСИНЕЯ. Ах, Санчо, вы опять разрываете мое сердце!.. Прошу вас, вернитесь к тому месту, где вы встретились с этим рыцарем...

САНЧО ПАНСА. Он сказал: «Сеньор, если вы не разделяете...»

ДУЛЬСИНЕЯ. Я была глупой девчонкой, Санчо...

Дальнейшие слова звучат уже при закрытом занавесе.

Слева на просцениуме появляется Муж. В одной руке у него щетка, в другой ведро. Печально опустив голову, он идет через сцену...

Голос САНЧО ПАНСЫ. Алонсо Кехана, Дон Кихот, славный Рыцарь Печального Образа!..

Голос ДУЛЬСИНЕИ. Все, Санчо, все, что происходит на свете, происходит от любви!

— «Поздняя осень. Грачи улетели...»
— Все о других думаешь. А как мы отсюда улетим?

Рисунок Л. СОЙФЕРТИСА

Сергей ШВЕЦОВ

НАГЛЯДНЫЕ УРОКИ

Во дворе бранятся дяди,
Позабыв о всем на свете,
Между тем, на дядей глядя,
Возле них бранятся дети.
Проучить бы дядей этих:
Взять да выпороть при детях!

ВСЕ ТЕЧЕТ...

Твердит начальник то и дело:
— Текучесть кадров одолела!
Привык он кадры упрекать,
Законных жалоб их не слыша.
А как же им не «утекать»:
Над ними протекает крыша!

СМЕЛЬЧАК

За и против на собрании
Смело он голосовал,
Потому что все заранее
Кое с кем согласовал.

ОСТАНКИНСКАЯ ТЕЛЕБАШНЯ

Она взметнулась гордо ввысь,
Ее вершину не достанешь оком...
Ах, если б передачи здесь велись
На том же уровне высоком!

СЕКРЕТ УСПЕХА

Он пишет сверхмодерные
Стихи довольно скверные,
Но, чтоб от моды не отстать,
Редактор их сдает в печать.

Дмитрий СМИРНОВ

ГИБКОМАНИЯ

Он гибким был и проявлял
Умело гибкость всюду,
Хвостом невидимым вилял,
Уподобляясь чуду.
Он выгибался гибко так
И очно и заочно,
Что в пору споров и атак
Вдруг стал беспозвоночным.
Теперь согнуться вперегиб
Еще сильней хотелось.
В изгибах так бы он и сгиб,
Да снят... за мягкотелость.

ВГЛЯДИШЬСЯ ГЛУБЖЕ...

У некоего дяди
Во лбу как раз семь пядей.
Когда ж вглядишься глубже,
Воскликнешь: — Ну и глуп же!

НЕДОУМЕНИЕ БЛЮСТИТЕЛЯ ЛОГИКИ

Как-то устроено странно в природе:
К зиме одеваемся мы для тепла,
А батюшка лес, перепутав все вроде,
Совсем раздевается — догола!

Они не консерваторы

Вопреки распространенному мнению американская демократия и ее передовой отряд — полиция — вовсе не консервативны, а, наоборот, жадно впитывают все новое, что несет с собой прогресс.

Прошло то время, когда главным символом «американского образа жизни» была простая полицейская дубинка. Сегодня дубинка отступает под натиском новых идей, рожденных светлыми умами полицейских стратегов. Полностью она, разумеется, не исчезнет никогда. Уж слишком это орудие демократии универсально, слишком много сентиментальных струн задевает оно в сердцах блюстителей порядка и их работодателей.

Вот и отряд вашингтонской полиции, который вы видите на первом снимке, все еще вооружен дубинками. На головах у них настоящее буйство химии — армированный пластик, плексиглас, но в руках старая добрая дубинка.

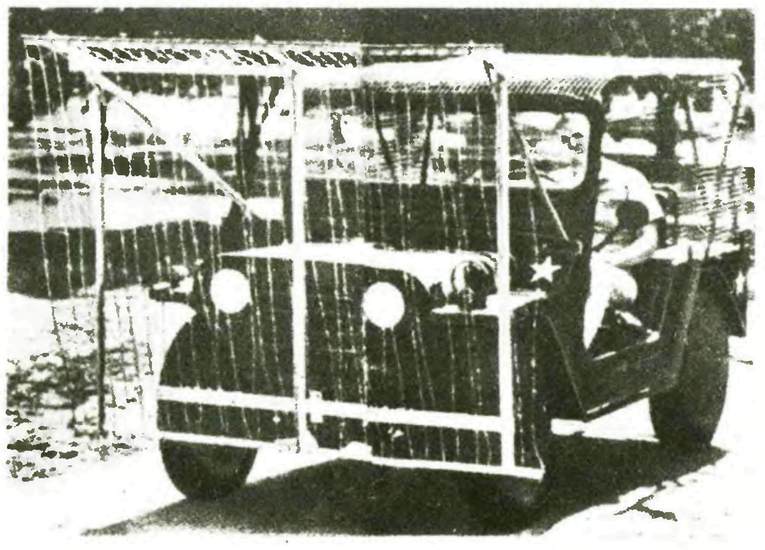
Зато в полиции Далласа, штат Техас, прогресс шагает семимильными шагами. Шагает, правда, осторожно, чтобы не поскользнуться, ибо местные блюстители закона широко используют в борьбе с согражданами химическое вещество, которое может мгновенно превратить мостовую в скользкий каток (средний снимок).

Пришел прогресс и в Чикаго, штат Иллинойс. Здесь решили объединить в одно целое два важных орудия демократии — полицейский «джип» и колючую проволоку. Отныне концлагерь становится мобильным (фото внизу).

Нет, право же, зря обвиняют американскую полицию в консервативности...

НЕЖНОЕ СЕРДЦЕ АДОЛЬФА

Трудно выразить сухим языком прозы, как любят Чехословакию в Шаумбургском дворце, на берегах Рейна.

Мало сказать любят: обожают. Волнительный трепет пробегает сладкой дрожью по коалиционным боннским сердцам при одном лишь упоминании этого слова.

Кто любит, тот жалеет. На некоторых языках «любить» и «жалеть» выражается одним глаголом. Немецкое «ляйденшафт» одновременно обозначает и страсть и страдание. Коалиционные лидеры и их комментаторы сегодня и любят и невыразимо страдают.

Мучаются они душой за чехов и словаков. О майне дамен унд геррен, какой удар постиг 21 августа бедные многострадальные Богемию и Моравию и незаконно включенный в их состав Судетенгау! Клей от самодельных плакатиков со стен соскребли. Патлатых «демократов» в парикмахерские направили. Контрабандные гранаты и передатчики у них отняли. От Яна Прохазки линотип отгородили. О майн готт, куда идет Центральная Европа, а заодно с ней куда заворачивает Западная?

Между прочим, лет тридцать тому назад такой же вопрос горестно задавал себе и покойный фюрер. Он тоже безумно любил Богемию и Моравию. Собственно, от него, покойничка, из его времен и перекинулась в наши дни эта неизъяснимая рейнско-рурская слабость к Праге, Братиславе и Карловым Варам.

На эту тему нас просветил журналист Эрих Куби из западногерманского журнала «Шпигель».

«Его сердцу,— пишет Куби о фюрере,— были особенно близки Австрия и Чехословакия». Что верно, то верно, Гитлер питал столь нежное чувство к обеим этим странам, что готов был при первой возможности задушить их в своих объятиях. Это он и сделал в 1938—1939 годах в три приема, с интервалом в полгода-год, включив обе страны в состав германского рейха.

«Въехав в Пражский Град,— продолжает брехать господин Куби,— фюрер очаровал население своим пуризмом, например, полной воздержанностью от спиртного». (О том, что фюрер был пьян от пролитой крови, Куби не говорит: стоит ли касаться таких пустяков!)

ГЕЙДРИХ — СТРОИТЕЛЬ КУРОРТОВ

Следующей операции по отмыванию кровавых пятен подвергся на страницах журнала «Штерн» рейхспротектор Богемии и Моравии, любимец фюрера Гейдрих. Редактор Петер Штеле, вооружившись шваброй и ведром с мыльной водой, ретиво берется за работу. Первонаперво он пытается доказать, что Рейнгольда Тристана Ойгена Гейдриха погубила его доброта — переборщил по части гуманизма. Слишком нежной была его забота о благе Богемии и Моравии. Посудите сами.

Сменив осенью 1941 года барона фон Нейрата (на посту рейхспротектора), Гейдрих, по словам Штеле, вскоре «выступил в качестве благодетеля широких слоев населения протектората». Именем Гитлера он стал наводить среди чехов самый что ни на есть высший «социальный порядок». Позаботился об «облегчении условий труда». «Передал в распоряжение низов населения роскошные отели и курорты». Вообще взялся за «улучшение жизни» и «ослабление в протекторате системы принуждения». Протяни обергруппенфюрер еще немного в своей должности — и протекторат погрузился бы в нирвану блаженства. Вот тут-то, повествует далее Штеле, и встревожились антифашисты. Они убоялись, как бы Гейдрих не обольстил чехословацкий народ, и решили устранить благодетеля-обергруппенфюрера. Пока разомлевший от нежных ухаживаний Гейдриха протекторат наслаждался «облегчением условий труда», а также полученными в дар от гестапо курортами и дворцами, неблагодарные антифашисты подстерегли Гейдриха на его пути из загородной резиденции Паненске-Бризане в Пражский Град...

Правда, увлекшись отбелкой обергруппенфюрера, Петер Штеле сам тут же роняет на него несколько кровавых клякс.

Прибыв на смену фон Нейрату 27 сентября 1941 года, сообщает редактор «Штерна», Гейдрих уже спустя три недели, 14 октября, доносит в Берлин о том, что по его приказу в Праге 99 чехов расстреляны и 21 повешен. В Брно в те же две недели им было совершено 79 смертных казней.

Как умудрялся добродетельный рейхспротектор размещать чехов во дворцах и на курортах, если они в то же самое время нужны были ему в качестве смертников, остается тайной «Штерна». В какой степени пытки и истязания чехов «облегчали им условия их труда» — этого тоже г-н Штеле не разъясняет. Ему некогда. Шаркая своей литературной шваброй по шкуре покойного рейхспротектора, он торопится навести на него такой блеск, чтобы новому поколению западных немцев обергруппенфюрер показался неким возвышенным историческим символом, достойным преклонения.

Попутно г-н Штеле грациозно воздевает ореол и на чело вдовы Гейдриха— фрау Лины, ныне содержательницы харчевни-пансионата в западногерманском Остзеебад-Бурге. Отлично сохранившаяся вдова, сообщает г-н Штеле, недавно вновь обрела счастье, составив брачную партию некоему директору заезжего кукольного театра.

Вот, собственно, и весь урок, выведенный Петером Штеле для западных немцев из истории расчленения и уничтожения чехословацкого государства Гитлером, из трагедии деревни Лидице, из летописи многих других пароксизмов нацистского бешенства на чехословацкой земле: отведайте сосисок у прелестной стряпухи Лины и посмотрите кукольную комедию в постановке ее возлюбленного директора.

ЛИРИК ФОН ШИРАХ

Примерно на таком же уровне осуществлена западногерманскими чистильщиками операция облагораживания фон Шираха. Получив от редакции «Штерна» полмиллиона марок гонорара, бывший руководитель гитлеровской молодежи Бальдур фон Ширах сам себя трет шваброй по принципу самообслуживания.

Подумать только, какого тонкого воспитания был в дни своей юности автор мемуаров! Еще папа внушал ему: не лезь, Бальдур, в политику, сочиняй стихи или занимайся музыкой. Действительно, повествует он о себе в «Штерне», «моим страстным увлечением были поэзия и музыка, мои стихотворения носили преимущественно характер любовной лирики, временами же казалось, что меня ждет карьера композитора». Все шло как по маслу, пока не появился

(в 1925 году) знакомый, все тот олучный Адольф. Он повадился ене ходить в гости к фон Ширатал сбивать с толку поэтически нного пай-мальчика. По своей рсти Бальдур поддался: вступил тскую партию, уплатил членские за 9 месяцев вперед и с поэзии х мадригалов перешел на прозу скандалов. Не подумайте, впрочего худого, упаси боже: «К вопали карательным мерам фюрера р говоря, не имел никакого от-, что и доказал потом перед лом». Так только, знаете, балоечами перед молодежью. И за езделицу дали ему в Нюрнбер- тюрьмы.

сно Бальдур прикидывается чком. Его мемуарные жалостричитания плохо рифмуются с тами и показаниями свидете-

личившими его соучастие в м истреблении безвинных люстрии, Польше и Чехословакии. , когда безутешная фрау Лина провожала в последний путь покоившегося супруга, Бальдур рах отбил в Берлин коротеньеграммку, которая теперь какрилась из его памяти. Осмепомнить Ширахе ее текст:

н. Партийная канцелярия. теру Мартину Борману. Весьма Для немедленного ознакомле-

ой Мартин Борман, я прошу, юреру доложили о следую-

ешское население и его наст я обращаю ваше внимание на самым эффективным воздейст- чехов был бы внезапный и бомбовый удар. Это мог бы же удар по одной из воюющих стран, например, по какому-ниьтурному центру Англии. При о должен быть оповещен, что го иное, как месть за Гейдриха. рах».

дложением о воздушном ударе ало предложение о наземной экзекуции — с целью устраЖертвой была избрана Лидице. две недели газеты и радио рейха оповестили мир:

10 июня. Официально сообщаучены сведения о том, что жиевни Лидице близ Кладно окамощь злоумышленникам... Поони, следовательно, грубейшим нарушили закон, все мужчины расстреляны, женщины отправконцентрационные лагеря, а деы на воспитание государству. риказ: все постройки сровнять с а название деревни отныне употребления».

ение от 10 июня содержало асть истины. Расстреляв в Лидимужчин, нацисты одновременно яли и 7 женщин. Впоследствии десят две лидицкие жительницли в концентрационных лагерях 95 лидицких детей 17 были отправлены под чужими фамилиями в немецкие семьи, остальные, признанные агентами фон Шираха «непригодными к германизации», были уничтожены в концентрационном лагере Хелмно. Остается добавить, что к убийству Гейдриха ни один из жителей Лидице не имел ни малейшего отношения. И еще можно было бы вполне кстати сказать, что поныне, как ни в чем не бывало, разгуливают по западногерманской земле двое главных лидицких убийц: гестаповец Гешке, производивший расстрелы, и эсэсовец Крумей, отправлявший чешских мальчиков и девочек в газовые камеры. Теперь это респектабельные коммерсанты, владельцы магазинов, снабжающих гамбургскую клиентуру колбасой, мыльной пастой и подтяжками.

В ЛАКЕИ К ФРАУ ЛИНЕ!

Под шум и гам, царящие на боннской химчистке, проскользнули туда, между прочим, несколько взлохмаченных субъектов из пражского «реформаторского» подполья.

Затесался туда, например, и стал взбалтывать грязную пену небезызвестный поборник «демократического социализма» Ян Прохазка. На страницах органа национал-демократической партии неонацисты восторженно воспроизвели утверждение Прохазки о том, что:

а) западные территории Чехословакии, именуемые Судетами, принадлежат немцам, поэтому должны быть отторгнуты и переданы ФРГ;

б) никакого антифашистского движения Сопротивления в Чехословакии не было. Гестапо, заявляет Прохазка, вело себя в Чехословакии вполне благородно, никого зря не обидело, если же кого и хватало, то лишь тех, кто был «действительно опасен». Отсюда видно, какое широкое поле новых возможностей открывается перед паном-герром Прохазкой. Не будет ничего удивительного, если в один прекрасный день мы узнаем, что он вместе с Гешке и Крумеем основал «Клуб-1938» или вступил пайщиком в фирму Лины Гейдрих в Остзеебад-Бурге и на пару с ней разносит по харчевне ветеранам СС и гестапо горячие сосиски под баварское пиво.

* * *

Одного обер-бандита за другим волокут к своей очистительной лоханке боннские пропагандисты. Только в 1967—1968 годах в ФРГ зафиксировано до тысячи крупных выступлений (книги, статьи) в оправдание нацистских злодеяний, совершенных на чехословацкой, польской, советской землях.

Смысл подобных выступлений очевиден: пытаясь обелить главарей фашизма и их преступления, боннская пропаганда натаскивает молодежь в духе вражды к другим народам. Пресса и стоящие за ней политики морально готовят западных немцев к новым дрангам как «нах остен», так и «нах вестен». И, конечно, как 30 лет назад, «трубит, трубит погибельный рог», призывая в первую очередь ринуться на Судеты... Благо остались от тех времен и генералы выучки Кейтеля, и гестаповцы школы Гейдриха, и ядро судетской пятой колонны закваски Генлейна, и увиваются тут же модерновые прохазки с лакейско-официантскими ухватками в стиле фрау Лины.

Пыхтят западногерманские чистильщики, надраивая очередную «историческую» фигуру. Валит клубами пар, свистят мокрые швабры, плывет волнами муть...

М. КАСВИНОВ

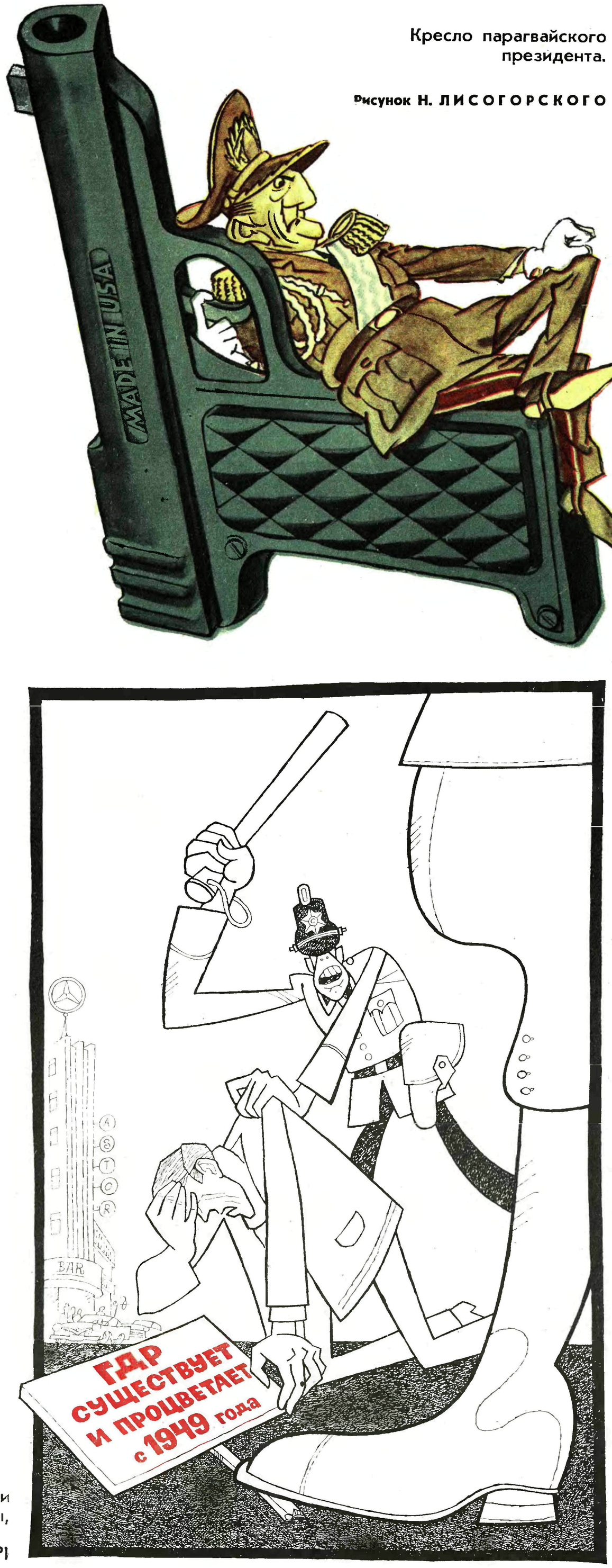
В БОННСКОЙ РЕСПУБЛИКЕ

— Если ты сам не в состоянии выбить эту дурь из своей головы, мы тебе поможем!

Рисунок Л. РАУВОЛЬФА (ГДР)

Кресло парагвайского президента.

Рисунок Н. ЛИСОГОРСКОГО

Мих. РАСКАТОВ

БЕДНЯГА

Пришел знакомый и изрек
С довольно странной миной:
— Неплохо ты живешь, браток,
Гляди-ка: пианино!
И я купил бы— мне не лень,
Поверишь, дочь мечтает...
Да где там!
На бутылку в день
И то едва хватает!

ДАЛ СЛОВО

— Здорово, друг!
— Привет, дружок!
— Хорошая погода.
— А как должок?
— Какой должок?
— Да тот, что жду два года.

Один, явив свой строгий нрав,
Ответа ждал сурово.
Другой, ни слова не сказав,
Полез в карман. За словом.

— Возражений нет? Принимается...

Рисунок Вл. ДОБРОВОЛЬСКОГО

УКУС МОСКИТА

Вот, извольте, кусок из быстротекущей жизни. Грубый, но натуральный. Максимум допущенного художественного домысла — имя героя: мастер Ерофеич. Пришлось пойти навстречу пожеланиям трудящихся Ярославского кожевенного завода.

Остается лишь приплюсовать к имени индивидуальные приметы: сивые фольклорные усы, сердечность и простота, энциклопедическая любознательность плюс легкая склонность к созерцательности.

Итак, побритый и попрысканный одеколоном «Свежесть», с бутербродами в карманах немнущегося плаща, Ерофеич топает на смену. Его распирает от избытка информации. Век, что ли, такой?.. Особенно волнует космогония. Завидев шабра из заготовительного, тревожно интересуется:

— Как полагаешь, пульсация из Галактики — это далекая цивилизация или буржуазная сенсация?

— Чего? — озадаченно лепечет шабёр.

— Я говорю: пульсация — это сенсация?

— Это немного есть,— уклончиво говорит шабёр и начинает быстро удаляться. Удалившись на расстояние, въедливо кричит: — Ты лучше под носом телескопь! Вон там твой малолеток, видать, заместо плана готовит покушение на нарушение... Туды его в Альфу Центавра!

Пришпоренный Ерофеич поспешает на родимый участок. Там его ученик, высунув язык, корпит над сверхплановой деталью.

— Это что за ятаган, Фомичихин?

Фомичихин вскидывает нахальные глаза на плоском, словно двудырчатая пуговица, лике.

— Перочинный ножик сочинил для младшего брата.

Ножик устрашающе великолепен, рукоятка плексигласовая, наборная, на лезвии — насечки тремя крестиками. Покажи такой скотобойцу — тут же сляжет от зависти.

Мастеру бы следствие повести, а он наводяще спрашивает:

— Когда?

— В нерабочее время,— податливо отвечает Фомичихин.

— Из чего?

— Из сэкономленных материалов.

— А-а! — облегченно вздыхает Ерофеич.— Ну, давай, давай!.. А про план не забудь. План — это что? Это есть первая заповедь передовика...

— А я не передовик.

— Ничего. Будешь.— И вдруг, охваченный какой-то ассоциацией, закручинился: — Намедни по радио уловил: в Саутгемптоне опять банк очистили.

— Это где же? — переполошился Фомичихин.

— Да ты не бойсь. Далече отсюда. В Англии. Ты как кумекаешь, кривая преступности у них опять пойдет вверх?

— А куда же еще? — подкованно кивает Фомичихин и набрасывается на обточку ятагана.

...Тут самое время нарушить плановое течение повести и сделать зигзаг, продиктованный фактической жизнью.

В тот же день Ерофеич, совместно с супругой совершив культпоход в театр, возвращался домой в троллейбусе номер девять. В салоне было сумрачно и тихо. Угнетенно подняв воротники, на диванчиках вибрировали пассажиры робкого десятка. Обалдуй-подросток в кепке коровьим блином перегородил ногой проход и, поигрывая ножом, заставлял прыгать козлом всякого сюда входящего.

— Что смолкнул веселия глас? — вопросил Ерофеич, не разобравшись в обстановке.

В ответ послышались междометия, покоробившие слух даже такого старого производственника, как наш мастер. В воздухе заструились коньячные ароматы.

«Три звездочки», — в момент определил Ерофеич. — Да еще местного розлива. Ф-фу!.. И куда глядит милиция?..»

Он тронул террориста за плечо и тут же отпрыгнул. Террорист вскинул нахальные глаза на плоском, словно двудырчатая пуговица, лике. В тусклом троллейбусном свете блеснула сталь ятагана с плексигласовой наборной рукояткой.

— Без агрессии, папашя!

— Фомичихин! — догадливо вскричал мастер Ерофеич.— Из моего, кожевенного!.. Ты что, своих не узнаешь?.. Ай-я-яй!..

* * *

Ну, а мораль? «Рассказ с моралью,— указывал О'Генри,— подобен москиту с жалом. Он сначала надоедает, а после себя оставляет яд, который надолго отравляет вашу совесть». Вот пока я над этим размышлял, на соседнем, Моторном заводе два подростка под носом у мастеров и начальника цеха собрали пистолет, стреляющий боевыми патронами. Из сэкономленных материалов, разумеется.

Что еще там на повестке дня? Царь-пушка?

Я. АЗАРОВ

г. Ярославль

ТАЙНАЯ СОВЕТНИЦА

Новый директор погрузился в кресло и, мысленно ориентируясь на трубу, стал изучать дислокацию завода...

Обитая номенклатурным дерматином дверь не пропускала ни единого звука. Два полированных стола, как два зеркала, отражали руководящий облик. Три телефонных аппарата стояли наготове, услужливо подставив слуховые трубки. Мысль текла плавно.

Вскоре новый директор Дербентского завода шлифовальных станков Асвар Гаджиевич Асваров почти все решил.

Первый цех надо было слегка переоборудовать... Второй требовал основательной реконструкции... Складские помещения надлежало отнести в глубь территории... С подъездными путями можно было подождать... Но прежде следовало осмотреть завод!

Асвар Гаджиевич отодвинул кресло и сделал энергичный шаг по направлению к окну. Туда, где, по его мнению, раскинулись производственные корпуса и высилась, подпирая небо, большая заводская труба.

Однако никаких корпусов за окном почему-то не оказалось. Но главное, там не было трубы.

— У нас что, труба с другой стороны? — спросил директор секретаршу.— С противоположной, да?

— Совершенно верно. С противоположной.

— Хорошо, идите.

Руководить современным предприятием сидя было нелегко. От постоянного бдения в кресле уставала спина и ломило поясницу. Но и выйти из кабинета без урона для собственного авторитета Асвар Гаджиевич не мог.

— Директор не вахтер, чтобы быть у всех на виду! — разъяснил он своим сослуживцам.— Главный инженер, например, должен бывать в цехах ежедневно. Заместитель директора — не реже двух раз в неделю. А я — раз!

— Ну, а вдруг?..— позволил себе усомниться заместитель.

— Никаких вдруг! — резко оборвал Асвар Гаджиевич.— У нас же плановое хозяйство!

Стиль работы нового директора не замедлил сказаться. Первый цех вскоре охватила легкая лихорадка. Второй основательно трясло...

Дело явно не клеилось.

Производственный план откровенно дышал на ладан.

Озабоченный этим обстоятельством, главный инженер поспешил к директору с тревожным докладом. Однако воспользоваться своим правом беспрепятственного доступа в директорский кабинет ему, к сожалению, не удалось.

— Очень жаль,— посочувствовала ему секретарша,— но у Асвара Гаджиевича сейчас народ.

— Народ? А кто именно?

— Известно кто. Она!

На следующий день с той же тревожной вестью о бедственном положении к директору завода отправился его заместитель.

— Очень сожалею,— встретила его секретарь,— но Асвар Гаджиевич сегодня занят. У него народ.

— Что, опять она?

— Вот именно!

«Она», назовем ее Серафимой, как свидетельствует заводская летопись, занимала до сих пор на заводе более чем скромное положение. Серафима не слыла выдающимся рационализатором, не была ведущим конструктором, не являлась известным общественным деятелем.

И тем не менее директор завода то и дело напоминал своему секретарю:

— Серафиму Егоровну допускать ко мне в любое время!..

Двусторонние переговоры с этой рядовой труженицей отнимали у директора немало времени. Но утверждать, что Асвар Гаджиевич ничем больше не занимался, было бы неверно.

Раз в неделю, по графику, директор придирчиво инспектировал цеха, бдительно обозревал службы, отдавал на ходу распоряжения.

— Ну как, выдаете на-гора?

— Выда-е-ем...

— Давайте выдавайте!

— ...А у вас как? Выдаете?

— Выдаем, выдаем...

— Надо выдавать больше!

Указания вступали в силу. Директор с сознанием исполненного долга удалялся. Результат оставался прежним. Коллектив приуныл. Главный инженер пытался спасти положение и тянул лямку, как завязтый бурлак.

Заместитель директора скоропостижно лысел на глазах у коллектива.

И только карие глаза самого директора светились неугасимым оптимизмом.

В конце квартала, когда должен был разразиться неминуемый скандал, Асвар Гаджиевич вдруг распорядился вынести на заводской двор большой стол для торжественных заседаний. Стол покрыли алым праздничным кумачом. В центре водрузили взятый из кабинета директора хрустальный графин.

Асвар Гаджиевич отхлебнул из стакана глоток родниковой воды и рассеял всеобщее недоумение. Производственный план, оказывается, был выполнен. В январе! В феврале! В марте!..

Вскоре из министерства прибыла комиссия. Она без труда обнаружила всякие печки-лавочки, птички-галочки и процветавшее на заводе очковтирательство. В январе! В феврале! В марте!.. Директору объявили выговор.

Сделав оргвыводы, проверяющие отправились по домам, а на завод прибыл корреспондент.

Его интересовали уже не столько технические вопросы, сколько морально-этическая сторона дела. Корреспондент взял у Асвара Гаджиевича интервью.

— Скажите, пожалуйста, кто такая Серафима? Какую роль она играет на производстве?

— Большую.

— А именно?

— Я, конечно, могу вам ответить,— с таинственным видом сказал директор завода,— но только конфиденциально. Она мне помогала. Информировала. Держала, как говорится, в курсе!

По словам директора завода, его тайная помощница оказала обществу не одну ценную услугу. В частности, сообщила о недостойном поступке одного ответственного на заводе лица.

Лицо и в самом деле поступило нехорошо. Оно присвоило фляжку масляной краски. Теперь это известно директору. Само же лицо об этом нисколько не догадывается. Директор тоже пока молчит. Но если понадобится, он преступника уличит. Это дает директору скрытый козырь. И ради этого козыря Асвар Гаджиевич всячески привечает Серафиму.

Но верно ли понимает Асваров свою задачу?

Его, сравнительно молодого инженера, выдвинули на самостоятельную работу. Ему поручили завод, доверили коллектив. Молодому и начинающему следовало на этот коллектив опереться. Но новоиспеченный директор вдруг возомнил, что он единственный на заводе.

Боясь уронить в глазах подчиненных мнимый авторитет, директор заперся в кабинете и руководил заводом с помощью трех телефонных аппаратов, даже не зная толком, где находится заводская труба.

Он совершенно не прислушивался к советам ближайших сослуживцев и откровенно пренебрегал мнением всех остальных.

Старый кадровый рабочий завода Анатолий Яковлевич Шишков как-то пришел к директору, чтобы поговорить с ним по душам. Но директор указал ветерану на дверь

— Я вас вызывал?

— Нет, я по собственной инициативе.

— А по собственной обращайтесь к мастеру!

— Но...

— Хорошо, идите.

Так образовалась пропасть. На одной стороне этой пропасти оказался директор. На другой — коллектив. И тогда Асвар Гаджиевич перекинул через нее чертов мостик. Он завел себе тайную советницу. С ее помощью он держал связь с коллективом и всегда находился в курсе.

Еще бы! Ведь директор не вахтер, чтобы быть у всех на виду. Зато сам он должен все знать и все видеть.

— Но это, конечно, между нами,— доверительно предупредил он корреспондента.— Конфиденциально.

Кое-кто считает, что все это идет от неопытности, от молодости. А он не молодой, он незрелый. Да к тому же еще и спесивый.

Но это, конечно, между нами. Конфиденциально.

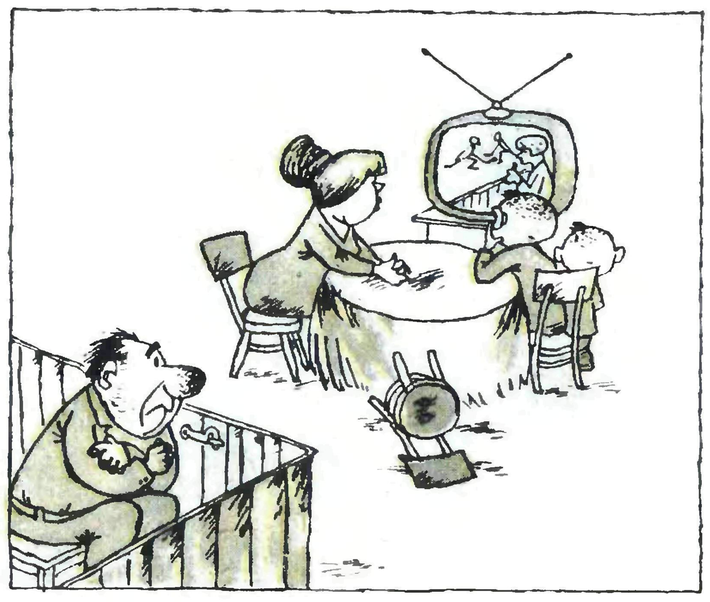
Б. ДАНЕЛИЯ,
специальный корреспондент Крокодила
г. Дербент.

— Вчера на верхнем этаже была свадьба.

Рисунок А. АЛЕШИЧЕВА

В СЕМЬЕ БОЛЕЛЬЩИКА

Удален за грубость на две минуты.

Рисунок А. ШТАБЕЛЯ

Устроились...

Рисунок В. ТИЛЬМАНА

КРОК ✦ ИНФО

Первый шаг сделан

Эффективность наглядной агитации широко исследуется в г. Демидове, что на Смоленщине. Все средства, предназначенные для благоустройства и озеленения города, брошены местным исполкомом на закупку и изготовление призывных щитов.

Хотя первые результаты оказались намного ниже ожидаемых, местные руководители не намерены опускать руки. В скором будущем планируется заменить фанерные призывы более яркими — неоновыми, криптоновыми и аргоновыми.

Без поблажек

Кроме списков злостных неплательщиков квартплаты, рижская сберкасса № 6750/081 принялась и за составление списков злостных уплательщиков. Туда попадают те, кто приносит деньги до срока.

Пока с таких нарушителей берут пени за каждый недосроченный день. Особо злостным уплательщикам намечено в дальнейшем возвращать обратно деньги в судебном порядке и привлекать их к ответственности за мелкое хулиганство.

Оригинальный способ

облегчить портфель школьника нашли специалисты Саратовского полиграфического комбината. Теперь вместо двух учебников достаточно носить один — универсальный, отпечатанный на комбинате.

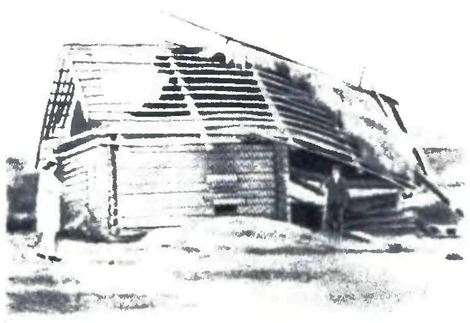
«С. М. Флоринский. «Русская литература» — написано на обложке. Но вместо толкований сна Татьяны дано подробное описание метода математической индукции из учебника «Алгебра и элементарные функции», часть II, изложенное, увы, не пушкинской строфой.

Универсальные учебники саратовского полиграфического комбината поступили в продажу.

Поголовное увлечение

Недавно в деревне Сафоново, Горецкого района, Могилевской области, произошло радостное событие: последний житель деревни стал «моржом».

Начало массовому увлечению ледяными купаниями положила местная баня.

Суровые условия мытья закалили сафоновцев. В связи с поголовной «моржизацией» сельсовет с удовлетворением отодвигает ремонт бани в неопределенное будущее.

С воздушным охлаждением

На вокзале г. Ливны, Орловской области, проходят испытания новые рысистые такси на гужевой тяге, с эффективным воздушным охлаждением пассажиров. Мощность двигателя — одна лошадиная сила. Переключение скоростей упрощено и собрано в один узел с рулевым управлением в виде вожжей. Расход горючего на 100 километров пробега — 5,8 килограмма овса.

Скоро пегие, караковые и серые в яблоках такси появятся на автострадах, поскольку обычных, в шашечку, несмотря на наличие стоянок, здесь не поймать.

Смелый эксперимент

Ценную инициативу проявили руководители Усть-Большерецкого района, Камчатской области. Здешняя библиотека, насчитывающая 20 тысяч томов, стала передвижкой. Почин был положен шесть лет назад, когда перед библиотекой гостеприимно распахнулись двери районной типографии. Весной и осенью шестьдесят пятого года смелый эксперимент был продолжен. Очаг знаний переехал сначала в музыкальное училище, а затем — в местную гостиницу.

Новая форма обслуживания стала привычной для книголюбов райцентра. Они смогли познакомиться не только с новинками литературы, но и своими глазами увидеть матрицы, шрифты, шпоны, послушать гаммы, которые выводят будущие певцы, внимать рассказам бывалых командированных.

Сейчас для любознательных открылись новые возможности: библиотека справила новоселье в молочном магазине.

Грибное стимулирование

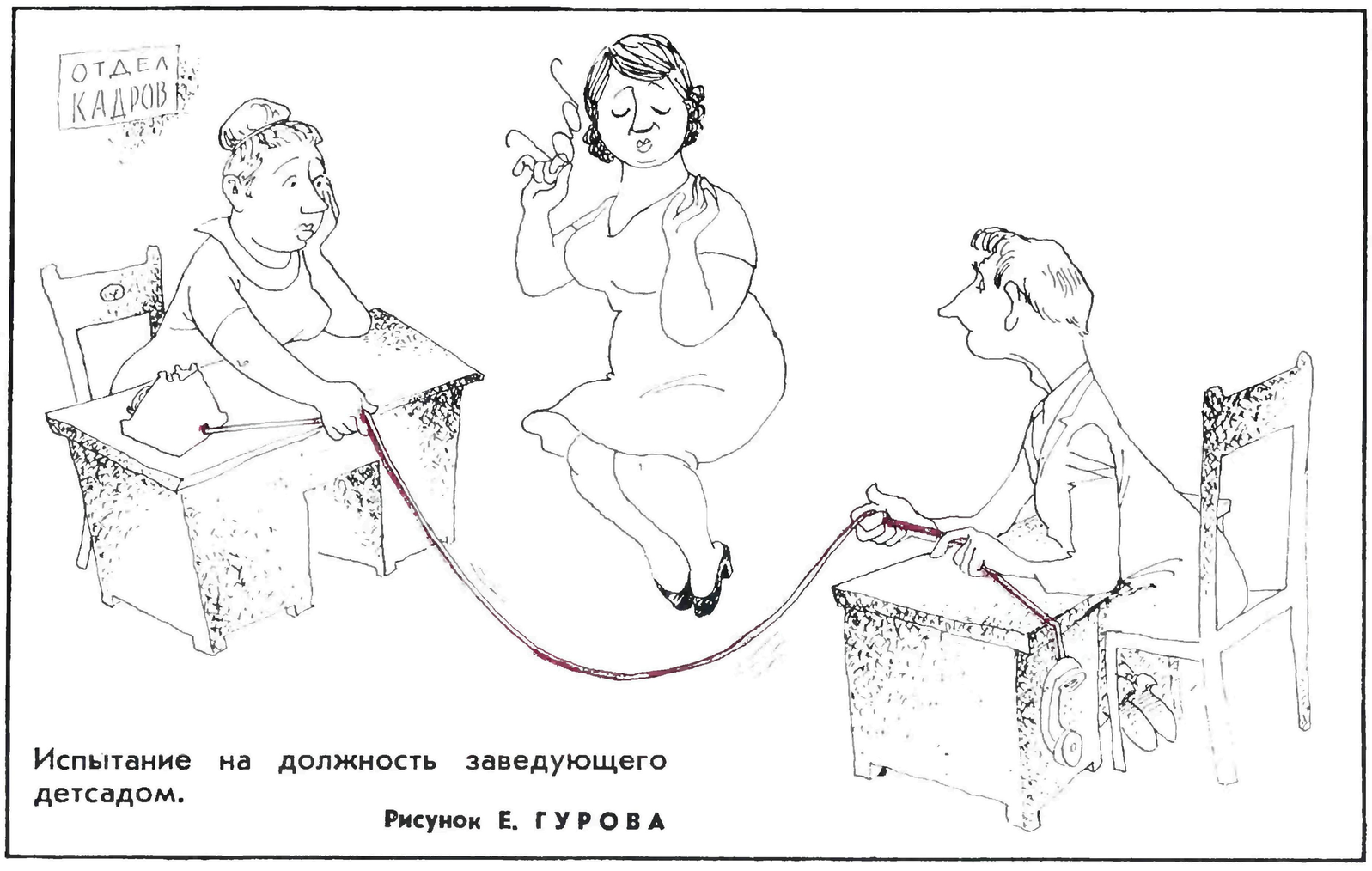
Бурными темпами шла заготовка грибов в Кировской области. Все население от мала до велика было вовлечено в кампанию по сбору даров леса.

Над грибоварочными пунктами день и ночь курился аппетитный дымок.

Высокая заготовительная активность была вызвана умелой торговой тактикой ряда райпотребсоюзов. Так, в универмаге г. Котельнича организован специальный отдел «Для вас, грибники». Красочно оформленные прейскуранты извещали, сколько следует сдать грибов, чтобы стать обладателем дефицитных изделий ширпотреба.

Плащи (мужские и женские)	—50 кг
Обувь (кроме сапожек)	—10 кг
Сапожки	—15 кг
Варежки	— 1 кг
Трикотаж	—50% стоимости изделия.

Успех грибозаготовок наталкивает на мысль об углублении эксперимента. С будущего года предполагается выдавать зарплату председателю Кировского облпотребсоюза тов. Шамышеву после сдачи им грибов на сумму 25 процентов месячного оклада.

Испытание на должность заведующего детсадом.

Рисунок Е. ГУРОВА

МИМОХОДОМ

Совершенство шара заключается в том, что он бесконечно многогранен.

Нет ничего труднее, чем найти решение, которое было бы проще простого.

Яйца учат курицу терпению.

Скажи мне, где север, и я скажу тебе, где юг.

Лектор шел по пути, уже давно протараторенному его предшественниками.

Дубина тонкой работы.

Надпись на могиле поэта: «Ты памятник себе воздвиг не стихотворный».

«От двух до пяти» — воспоминания двоечника, ставшего отличником.

Старый официант писал менюары.

В. ВЕТРОВ

ФУТБОЛ ХОККЕЮ:— Дай медаль поносить!

Рисунок А. ЕЛИСЕЕВА и М. СКОБЕЛЕВА

КРОКОДИЛ ПОМОГ

«По просьбе замминистра...»

Так были озаглавлены два выступления Крокодила: фельетон А. Голуба в № 6 и редакционная статья в № 23 журнала за 1968 год. Речь шла о фактах очковтирательства при сдаче очередных объектов в минском управлении и рижском районном управлении «Главгазопроводов» Министерства газовой промышленности СССР. В материалах Крокодила говорилось также о том, что руководители этих управлений пытались оказать давление на лиц, протестовавших против очковтирательства.

Обсудив выступления журнала, партийный комитет министерства признал критику недостатков в работе отдельных сотрудников аппарата правильной. Начальник «Главгазопроводов» Д. Сидоров и начальник «Главгазопроводстроя» В. Юшин, сказано в постановлении парткома, допустили сдачу газопровода Елгава—Слока в эксплуатацию с недоделками и, несмотря на ряд сигналов, не приняли своевременных мер к ликвидации недоделок. Комиссия по проверке жалобы, возглавляемая Е. Лувишисом, недостаточно глубоко и остро проанализировала состояние дела. Начальник главка Д. Сидоров не проследил за тем, чтобы были созданы нормальные условия работы для лиц, выступавших против приемки газопровода с недоделками. Партийный комитет министерства своевременно не рассмотрел этот вопрос.

Партийный комитет министерства считает совершенно недопустимым, говорится далее в постановлении, проявление в какой бы то ни было форме неправильного отношения к критическим замечаниям, терпимости к недостаткам. Партком обязал партийные организации министерства улучшить воспитательную работу, повысить организаторскую роль и ответственность работников центрального аппарата, потребовал от всех коммунистов более внимательно относиться к критическим сигналам.

Партийный комитет также указал коммунистам тт. Сидорову и Юшину на то, что они невнимательно отнеслись к сигналам с мест, не приняли своевременных мер к устранению недостатков.

Редакция Крокодила, с удовлетворением сообщая читателям об этом решении, надеется, что партийный комитет министерства и впредь будет настойчиво воспитывать работников аппарата в духе нетерпимости к недостаткам и чуткого, принципиального отношения к критическим сигналам с мест.

КРОКОДИЛ ПОМОГ

«Под слоем пыли»

Да, под слоем пыли томилось в бездействии медицинское оборудование в московской больнице № 59. «Спасая» неиспользованные ассигнования, главный врач больницы Н. П. Корженков приказал купить автоклавы («Крокодил» № 24).

Как сообщило Главное управление здравоохранения Мосгорисполкома, за неправильное использование средств на главного врача больницы № 59 Н. П. Корженкова наложено административное взыскание. Начальнику городского управления «Медтехника» Рябченкову М. И. указано на слабый контроль за распределением медицинской техники и категорически запрещено отпускать ее лечебным учреждениям без учета фактической потребности.

КРОКОДИЛ ПОМОГ

Так ему и надо!

Гражданин Скоробогатый решил культурно отдохнуть и обратился в завком. Завком Ново-Криворожского горно-обогатительного комбината внимательно отнесся к просьбе своего старшего осмотрщика, выдав ему путевку в Одарьевский дом отдыха, что близ Днепропетровска.

И гражданин Скоробогатый поехал. Вскоре к нему пристали еще трое граждан, путь которых лежал в тот же дом отдыха.

Дом отдыха встретил их веселым стуком топоров и бодрящим ревом электропилы. В доме отдыха шел большой ремонт, и до отдыхающих, естественно, никому дела не было. Побродив меж озабоченных рабочих, отдыхающие присели на чемоданы и загрустили.

Директор дома отдыха вышел им навстречу. Внимательно выслушал и ужасно возмутился.

— Надо же, какое безобразие! — закричал он.— И уже не первый случай. Но, товарищи, мы тут ни при чем. Это областной совет профсоюзов виноват, который все знает, но путевки продает. Езжайте в Днепропетровск и требуйте другие путевки. Раз они ошиблись, значит, они же и обязаны вам заменить.

Гражданин Скоробогатый, а вместе с ним еще двое (третий спасовал перед трудностями) поплевали на руки, схватили чемоданы и на попутных машинах прикатили в Днепропетровск, в областной совет профсоюзов. И прямо в комнату № 32.

Хозяин комнаты, человек деловой и серьезный, внимательно выслушал и ужасно возмутился.

— Надо же, какое безобразие! — закричал он.— Но мы тут ни при чем. Прошу вас пройти на третий этаж, в ваш родной профсоюз металлургов.

На третьем этаже их встретила не менее деловая и серьезная дама, которая внимательно выслушала и тоже ужасно возмутилась.

— Надо же, какое безобразие!— закричала она.—Но мы тут ни при чем. Идите в криворожский городской совет профсоюзов металлургов.

В Кривой Рог гражданин Скоробогатый вернулся уже в обществе одного отдыхающего (второй спасовал перед трудностями).

В городском совете профсоюзов сидели не менее деловые и серьезные люди.

Они внимательно выслушали и тоже ужасно возмутились.

— Надо же, какое безобразие! — закричали они.—Но мы тут ни при чем. Идите в свой родной завком, поскольку он все знает и посему обязан охотно разобраться. Тем более что сам виноват.

Но в завком гражданин Скоробогатый (он остался один: последний попутчик спасовал перед трудностями) не пошел. Потому как знал, что там скажут. Он уже догадался, кто подлинный виновник печального события.

Он сам во всем виноват.

Нет чтобы ехать некультурно, дикарем, так нет же, решил в дом отдыха. Вот и поделом!

О. ДИКАРЕВ

Из квартиры — в комнату

Из-за этого хлебного вина хотелось острых ощущений. Чего-нибудь вроде гуляния босиком по битому стеклу.

Но Александр Махов, с тех пор как стал заместителем председателя «Союзэкспортфильма», ходить босиком стеснялся. А тут тем более — Невский проспект.

Но куда бы такое пойти? Не в кино же: сыт по горло. Интересно, небось, и тезка Пушкин вот так гадал когда-то, гуляя по прошпекту...

А вот к Пушкину и пойти!.. В музей-квартиру. Посмотреть чего-нибудь изобразительного.

Входил степенно, стараясь не дышать: могут попросить. Квартиру осмотрел придирчиво, будто для обмена явился. Понравилось то и се, особенно планировочка: все смежно-изолированное. А из изобразительного особенно портрет Екатерины Николаевны Гончаровой.

Во-первых, маленький, карманного формата. Во-вторых, очень симпатичная женщина нарисована и красни качественные! Эх, пригодилась бы картиночка для отдельной комнаты...

Ну, и взял портрет. И понес из квартиры. Вроде бы на память. Но под полой. И попался. И переведен теперь в комнату.

В казенную. На полтора года.

В. ВИНОГРАДОВ

СЛУЧИТСЯ ЖЕ ТАКОЕ

ПРОСТО АНЕКДОТ

Встречающие на вокзале пожимают руку начальнику станции.

— Примите наши поздравления! Впервые за многие годы поезд наконец пришел вовремя!

Начальник станции:

— Мне очень больно огорчать вас, господа, но это вчерашний поезд!

●

— Так вы актер? Мне стыдно признаться, но я почти десять лет не был в театре,— сказал своему случайному собеседнику банкир.

— Вы напрасно стыдитесь,— возразил актер,— боюсь, что я гораздо дольше не был в банке!

●

Журналист спрашивает известного актера:

— Кто, по вашему мнению, лучший из современных актеров мира?

— Нас несколько,— скромно ответил артист.

●

Крупный ученый читал в женском клубе лекцию на научную тему. После лекции его окружили дамы и забросали вопросами.

— Профессор, — спросила одна из дам.— Вы затронули вопрос о детекторах лжи. Вам приходилось видеть такой детектор в жизни?

— Видеть? — вздохнул профессор.— Я женился на таком детекторе.

●

— Кэт, как вам не стыдно! Я видела, как тот француз несколько раз поцеловал вас в углу. Почему вы не остановили его?

— Увы, это было невозможно: я не говорю по-французски.

●

На скамье в курортном парке сидит человек и, с негодованием глядя на бредущего мимо пьяного, говорит:

— Безобразие! Я бы вылил весь мировой запас спиртного в океан.

Сидящий рядом с ним человек аплодирует:

— Браво! Отличная идея.

— Вы тоже трезвенник?

— Нет, я водолаз.

●

— Мамочка, можно я поплаваю?

— Нет, детка, здесь очень глубоко.

— А почему папе можно? Вон куда заплыл!

— О нем нечего беспокоиться, дорогой: он застрахован.

●

— Через некоторое время,— сказал бедный художник, обращаясь к владельцу дома,— люди будут осматривать эту жалкую комнатку и говорить: «Да, здесь жил и работал великий художник!»

— Все верно, мистер! Если вы не заплатите за квартиру сегодня, они смогут так говорить уже завтра!

короткие рассказы

Сергей БАРУЗДИН

ОН ЕЕ ПОЛЮБИЛ

Он ее полюбил.

— Ужасно! — говорят ее родители.

Она его полюбила.

— Кошмарно! — говорят его родители.

Он ее полюбил. Она его полюбила.

— Банальность! Литературный штамп! — говорят литераторы, даже не читавшие по нелюбопытности этого рассказа.

А это, впрочем, и не рассказ вовсе, а краткое методическое пособие. В помощь родителям новобрачных.

Итак, все безумно сложно.

Он ее полюбил. Она его полюбила.

Он ее полюбил давно, еще в пионерском лагере. Она его не полюбила. Даже когда он ночью пригласил ее вылезти через окно и забраться на крышу лагерного домика, чтобы смотреть, как восходит солнце, она его не полюбила. На крышу пошла, а не полюбила. Ей просто хотелось спать. Это современнее!

Она его полюбила, когда старшая пионервожатая и начальник лагеря осудили его поведение, когда он вступился за нее и когда она поняла, что он хороший. Это еще более современно!

Дальше все было куда проще. Пять лет они ссорились. По всякому поводу и без всяких поводов. Это кончилось дворцом бракосочетаний. Сначала была подана заявка за три месяца вперед. Потом было взвешено, что день регистрации совпадает с экзаменами в институте. Потом было все остальное.

Во дворце бракосочетаний его родители плакали:

— Наивная девочка! Она его полюбила! Это нашего-то оболтуса! Ему бы учиться и учиться!

Вечером на свадебном торжестве вздыхали ее родители:

— И он взял ее! Дико! Ведь совершенно не приспособлена к жизни, посуды вымыть не может! Или он чудак, или...

Бабушки новобрачных, они же родительницы родителей, пили шампанское и радовались:

— Что экзамены завалили — не беда...

— Я когда за Колю выходила, вообще... академический брала.

— Любовь была!

— Ох, какая любовь! Это верно!

— Горько! — кричали новобрачным.

Новобрачные целовались.

Целовались и шептались.

— Хвосты сдадим?

— Сдадим! Еще бы!

— А микробиологию?

— И микробиологию!

Его родители говорили ее родителям:

— Сейчас за ними нужен глаз да глаз...

Ее родители поддакивали его родителям.

Родительницы родителей, бабушки новобрачных, продолжали свой разговор:

— Им бы сейчас комнатку снять! Отдельную!

— Ничего нет лучше! Как вспомню свое замужество, и верно. Уж лучше сразу!

— А вы все-таки думаете, что он ее первым полюбил? — говорили ее родители.

— Несомненно, он. Наивный парень! Третьего курса не окончил! — отвечали его родители.

— А у нас ощущение, что она,— говорили ее родители.— Ведь тогда в пионерском лагере...

— Разве это может быть серьезно — в пионерском лагере!..

Гости расходились поздно. Так поздно, что в это время во многих пионерских лагерях уже кто-то смотрел восход солнца. Так поздно, что в городе потухли за ненадобностью ночные огни и у дверей кафе, где справлялась свадьба, можно было прочесть на доске объявлений среди прочих такое: «Сдается комната, 7 кв. метров, желательно для одинокой молодой пары».

А он ее полюбил.

А она его полюбила.

В пионерском лагере и много лет спустя.

Анатолий ТИТОВ

БЕРЕЧЬ КАДРЫ

От тяжелых переживаний Рамочкин стал совершенно прозрачным. Ему казалось, что теперь сослуживцы даже через пиджак могут свободно рассматривать строение его грудной клетки и позвоночника. Катастрофическое падение собственного веса могло остановить только волевое решение. И Рамочкин принял его.

— Значит, уходите?— Начальник отдела сочувственно посмотрел на Рамочкина, кладя его заявление в толстую папку.

— Да, хочу уйти,— нерешительно ответил Рамочкин.

— Очень и очень об этом сожалею.— Начальник отдела по-отечески тепло посмотрел на Рамочкина.— Но признайтесь честно, что вас не устраивает: тематика работ или зарплата?

— Меня вполне удовлетворяет и то и другое.

— Тогда я отказываюсь понимать вас. В моей практике это единственный случай, чтобы сотрудник так бесцельно покидал свое рабочее место.

— Это деликатный вопрос, он больше душевного плана,— стеснительно пробормотал Рамочкин.

— Не могу даже предположить, что кто-то из сотрудников мог вас обидеть. Вас все уважают.

— К сожалению, не все.

— Доверьтесь мне, и я все улажу, так сказать, в рабочем порядке.— Начальник отдела закурил и откинулся на спинку кресла.

— Насильно мил не будешь,— совсем разоткровенничался Рамочкин.

— Да вы, я вижу, влюблены, и серьезно!

— Да, я влюблен, давно и серьезно.— Рамочкин достал из кармана носовой платок, а начальник отдела потушил папиросу.

— И кто она, если не секрет?

Рамочкин был всегда откровенен с начальством.

— Наша копировщица Тося,— промямлил он.

— Это противоестественно! — Начальник отдела приподнялся и, опершись руками о стол, пристально посмотрел на Рамочкина.— Она же посредственная работница, а вы умный, перспективный инженер.

— Но я ничего не могу с собой поделать. Я неоднократно внушал себе вашу мысль, и все бесполезно.

— Почему же вы раньше не сигнализировали мне об этом? — Лицо начальника отдела стало строгим.— Я как руководитель не имею права терять по пустякам свои лучшие кадры.

— Но я не вижу другого выхода, мне необходимо сменить место работы.

— Найти выход — это наша задача, а ваша — отдать всего себя любимой работе. Не волнуйтесь и не горячитесь. Идите, трудитесь, и я гарантирую вам спокойствие.

Уже месяц, как Рамочкин идет на поправку.

Тося по собственному желанию перешла в другой проектный институт, так как на прежней работе она «не сумела найти общего языка с коллективом».

Борис РЯБИКИН

ДОБРЫЕ СОСЕДИ

В отпуск я приехал погостить к приятелю.

— Будь, как дома,— обрадовался он.— Скоро приду.

Я включил радиолу, перелистал журналы. Выглянул в окно. У подъезда остановилась желтая машина— «Аварийная. Горгаз».

На всякий случай я прошел на кухню и проверил кран у плиты.

Через несколько минут подъехал пожарный автомобиль.

«Неужели еще и пожар?» Я распахнул окно. «В случае чего — выпрыгну».

Пронзительный звук сирены, скрип тормозов. Остановилась «Скорая помощь».

«Уже и жертвы есть?!»

Когда к дому подкатил автобус с широкой черной полосой, мурашки забегали у меня по спине.

«Скорей бы он приходил, что ли...»

И он пришел. Он бодро выпрыгнул из автокатафалка, мой приятель.

— Чего испугался-то? Это все мои соседи. Приехали домой обедать. Аполлон Григорьевич из тридцать восьмой квартиры всегда меня подбрасывает. По дороге ему.

Христо ПЕЛИТЕВ

ИСКЛЮЧИТЕЛЬНЫЙ КАРП

Никому конкретно не посвящаю эту сказку, чтобы никто не чувствовал себя обойденным...

На берегу одной реки росла ветвистая ива. День и ночь река размывала берег, и в конце концов у корней ивы образовался глубокий омут. В нем стало жить все рыбье общество.

Мир и совет царили среди рыб.

Но вдруг однажды неизвестно откуда в этом счастливом рыбьем царстве появился угорь.

Попросился на ночевку к одним рыбам, к другим — никто не хотел его пускать. Только карпы, благодушные и гуманные карпы, сжалились над пришельцем и отвели ему местечко в своем углу. И зажил угорь вместе с ними — тише воды и ниже травы. Вскоре он подружился с одним молодым усатым карпом, который всегда особняком держался от всех других рыб, чурался их общества. Они уединялись в дальних омутах, вели задушевные беседы. Однажды угорь обратился к молодому карпу:

— О мой карпуша, смотрю я на тебя и не перестаю восхищаться, потому что ты не пошлый карп, а исключительный! Я горжусь тобой. Разве какие-то там караси и плотвички смогут тебя понять? Они такие серые, стандартные.

— О, я действительно не такой карп, как все! — отвечал молодой красавец, растопыривая плавники.— Я карп с ярко выраженной индивидуальностью. Я самый умный из всех карпов и терпеть не могу своих сородичей — этих подводных мещан. Куда мне от них сбежать?

— Да,— продолжал угорь,— ты карп со своим особым, независимым взглядом на вещи. Ты просто гениальный карп, и тебя следует по праву увенчать лавровым венком, дорогой ты мой!

— Действительно, я достоин лаврового венка, но кто же мне его присудит? — трагично вопрошал молодой карп.— Эти глупые и ограниченные рыбы? Находясь среди них, я чувствую глубокую внутреннюю неудовлетворенность, а их образ жизни меня душит! У меня даже нет возможности откровенно высказать свои мысли. Я ищущий карп и хочу наконец выбраться из реки...

— Разумеется, это — священное право карпа,— ободрял его угорь.— Я читал, что за границей твои собратья выходят из воды на луга и там свободно предаются любым прихотям своего карпьего индивидуализма. Я даже знаю эти места, и, если ты желаешь, мы вдвоем...

— Веди меня туда! — вскричал нетерпеливый молодой карп.— Пойдем немедленно!

— Не спеши, дорогой! Сегодня нельзя, но вскоре мы туда махнем...— отвечал угорь.

И действительно, не прошло и трех дней, как небо покрылось тучами и дождь полил как из ведра. Река вздулась, вышла из берегов и залила ближние луга. И тогда угорь пригласил молодого карпа поплыть по течению. Вскоре оба оказались среди залитой водой широкой поймы.

Опьяненный сознанием, что ему наконец удалось покинуть реку, карп прыгал от радости.

— Вот что значит свобода! —восклицал он.— Вот оно — поле для творческой деятельности. Здесь присудят мне и лавровый венок!

Молодой карп и его друг угорь весело кувыркались, наслаждаясь свободой.

Между тем вода незаметно убывала, река вновь входила в свое обычное русло. И вдруг карп почувствовал, что лежит на мокрой траве и не может двинуться... А угорь, извиваясь, пополз по тине от лужи к луже и благополучно добрался до реки. Перед тем, как уйти в глубину, он на минутку обернулся в сторону своего неуклюжего друга и снисходительно бросил:

— Эх ты, карп...

Молодой, исключительный, гениальный карп ничего не смог ответить. Он лежал с широко открытым ртом, как все карпы, когда их вытаскивают из воды...

Вечером он все-таки получил долгожданный венок: перед тем, как поставить противень с карпом в духовку, крестьянин бросил на карпа пучок сухового лаврового листа...

Перевел с болгарского Е. ТУГАНОВ.

Награда баскетболистам.

Рисунок Е. ВЕДЕРНИКОВА

МОЯ ДОСКА ОБЪЯВЛЕНИЙ

Фото Ф. ПАВЛОВА.
Ленинград — Петродворец.

Фото А. ЗАТОВСКОГО.
г. Львов.

«ПОДМЕТАТЬ ПОЛ ТРИ РАЗА В ДЕНЬ, А МЫТЬ — ПО УСМОТРЕНИЮ ЛЕСТНИЧНОЙ КЛЕТКИ».

(Объявление в подъезде.)

Прислал П. ПЕШКОВ.
г. Северодонецк.

«СТОЛОВАЯ ПРИНИМАЕТ НА РАБОТУ УЧАЩИХСЯ 8—9 КЛАССОВ ТОРГОВАТЬ КВАСОМ, МОРСОМ И ОФИЦИАНТКАМИ».

Копию снял А. ГРИШИН.
пос. Нижневартовский, Тюменской области.

«РОДИЛЬНОМУ ДОМУ № 4 ТРЕБУЮТСЯ НА ПОСТОЯННУЮ РАБОТУ: МЕДИЦИНСКИЕ СЕСТРЫ — 5 ШТ.».

Списал М. СИМОНЕНКО.
г. Краснодар.

«ЗАГС сегодня не будет работать; в случае смерти обращайтесь в Рай. ЗАГС».

Прислала Н. АРХИПОВА.
г. Глазов.

г. Майский, Кабардино-Балкарская АССР.

Прислала В. БУШУЕВА.

КРОКОДИЛ

№ 31 (1897)

ГОД ИЗДАНИЯ СОРОК СЕДЬМОЙ

ИЗДАНИЕ ГАЗЕТЫ «ПРАВДА»

журнал выходит три раза в месяц

Темы рисунков этого номера придумали: А. Алешичев, М. Битный, М. Вайсборд, Е. Ведерников, В. Гинуков, А. Грунин, Г. и В. Караваевы, Н. Станиловский, Ю. Степанов, В. Тамаев, А. Штабель (г. Уфа).

НАШ АДРЕС:
МОСКВА А-15
БУМАЖНЫЙ ПРОЕЗД
Д. 14

ТЕЛЕФОНЫ:
250-10-86
253-34-37

Главный редактор
М. Г. СЕМЕНОВ

Редакционная коллегия:
А. Н. ВАСИЛЬЕВ
М. Э. ВИЛЕНСКИЙ
А. Е. ВИХРЕВ (зам. главного редактора)
Б. А. ЕГОРОВ
Б. Е. ЕФИМОВ
В. Д. НАДЕИН (ответственный секретарь)
И. М. СЕМЕНОВ
С. В. СМИРНОВ
А. А. СУКОНЦЕВ
А. И. ХОДАНОВ
Е. А. ШУКАЕВ

ИЗДАТЕЛЬСТВО «ПРАВДА»

А 00200.
Подписано к печати 28/X 1968 г.
Формат бумаги 70×108¹/₁₆
Объем 2,80 усл. печ. л. 4,54 уч.-изд. л.
Тираж 4 800 000 экз. (1 завод: 1 — 4 029 500)
Изд. № 2015.
Заказ № 3081.

Ордена Ленина типография газеты «Правда» имени В. И. Ленина. Москва, А-47, ул. «Правды», 24.

Отсканировал А.В.ЛЕБЕДЕВ

Цена номера 12 коп.
Индекс 70448

